

Ив. А. БУНИНЪ.

СМЕРТЬ МОИСЕЯ.

А. Б. Верману
от Ив. Бунина.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„Южная универсальная библіотека“
Одесса.

Смерть Моисея.

Во имя Бога милостиваго, милосердаго. Вотъ разсказъ о смерти пророка,—миръ ему!—дабы утвердились сомнѣвающіеся въ необходимости покоряться Вожатому.

«Мы не видѣли и не видимъ Его»,—говорятъ они. Но солнце не виновато, что глазамъ летучей мыши не дано зрѣнія. Сердце человѣка ищетъ вѣры и защиты. Кто же приобѣгаетъ къ защитѣ совы? Лучше мечтать о сѣни феникса, хотя бы фениксъ и не существовалъ въ мірѣ. Сѣнь же Творца существуетъ отъ вѣка.

Черноухъ слѣдуетъ за львомъ: левъ знаетъ, гдѣ добыча, а черноухъ питается остатками его трапезы. Такъ шли евреи за пророкомъ изъ Египта. По милости Божіей, онъ совершилъ подвигъ.

Онъ испыталъ сладость сна, пробужденія и ласки въ дѣтствѣ. Царская дочь качала его на своихъ темныхъ и круглыхъ

О Д Е С С А

Тип. „Спортъ и Наука“ Екатерининская, 25.

1919.

рукахъ, гладкихъ какъ змѣя, но теплыхъ какъ плодъ на солнцѣ. Она радостно и пристально смотрѣла на него черными глазами, сіявшими надъ нимъ, и порывисто цѣловала, прижимая къ холоднымъ грудямъ. Вспоминая подобное, не одинъ восклицаетъ въ сердцѣ: «Зачѣмъ не юношей былъ я тогда!» Но всему свое время.

Фараонъ далъ ему перстень власти и одежды царедворца. Когда утрення свѣжесть смѣняется тепломъ солнца, когда на базарѣ поливаютъ укропъ, чтобы привлечь обоняніе покупателя, когда пахнетъ кизякомъ изъ трубъ и туманомъ съ большой рѣки, по которой медленно, въ пару, идутъ высокіе бѣлые паруса, а рѣдкобородый буйволъ, сизый и шершавый, какъ свинья, тупо глядитъ на нихъ, поднимаясь изъ прибрежнаго ила,—пророкъ, чувствуя силы и бодрость, ѣхалъ въ колесницѣ надзирать за полевыми работами и могъ по головѣ стегать бичомъ лѣнливыхъ, кричать на нихъ до красноты лица, чтобы сладко, въ сознаніи исполненнаго долга, отдохнуть потомъ въ легкой тѣни пальмъ, на сухой плотинѣ между каналами.

Возмужавъ, онъ провелъ десять лѣтъ въ супружествѣ. Онъ спалъ съ женщиной богатой и дородной, онъ наслаждался ею

ночью, а днемъ—своими распоряженіями и заботами, питьемъ и пищей, легкостью тѣла, любившаго и сухой жаръ внутри двора, на горячихъ каменныхъ плитахъ, и прохладное вѣяніе вѣтра по дому, приходившаго съ рѣки и отъ цвѣтушихъ садовъ острова. Онъ гордился дѣтьми, домомъ своимъ и почетомъ людей. И былъ счастливъ, какъ многіе. Но незримая рука натягивала лукъ его жизни; она пробовала тетиву и древко, готовясь пускать стрѣлы истины. И еще десять лѣтъ провелъ онъ въ работѣ ума и сердца, въ молчаливомъ постиженіи мудрости Египта, ибо стѣнѣ предшествуетъ основаніе, а рѣчи—мысль. И сказалъ о жрецахъ: «Глупцы! Рабамъ, страдающимъ отъ зноя, простительно вздѣвать руки къ солнцу и призывать его какъ Бога. Но солнце—не Богъ. Бога никто не можетъ видѣть. Онъ непостижимъ. Его можно только чувствовать. Онъ одинъ. У Него нѣтъ дѣтей». И тогда фараономъ овладѣла ярость, какъ дикимъ осломъ, гуромъ. «Кто смѣетъ жить и вѣрить безъ моего соизволенія?—воскликнулъ онъ—У него нѣтъ драгоценныхъ колецъ на пальцахъ, нѣтъ ожерелья на шеѣ. Онъ мой рабъ. Вотъ я воздвигну гоненіе на него и на весь народъ его. Я блесну какъ мол-

нія, я оглушу какъ громъ». Пророкъ же напрягъ силы, какъ человѣкъ, стоящій передъ крутымъ подъемомъ въ гору, и пошелъ своимъ путемъ безъ страха и увѣренно.

Мускусы растираютъ, алоэ кладутъ на огонь, чтобы дали они запахъ. Водолазъ не сорвалъ бы ни единой жемчужной раковины, если бы боялся задерживать дыханіе, бросаясь въ море. И когда настало время поднять самый тяжкій камень для зданія, вскинуть его на колѣно, перехватить покрѣпче и нести, пророкъ вскинулъ его до боли въ паху. И сорокъ лѣтъ несъ въ пустынь, напряженный, изнемогающій и радостный сознаніемъ, что творитъ волю Бога, а не фараона. И, донеся куда нужно, куда указано Строителемъ, кинулъ камень ладно и плотно и выпрямился и отеръ потъ съ лица — рукой дрожащей, ослабѣвшей и ноющей до самаго плеча.

И настало время умереть ему.

Онъ позналъ истиннаго Бога. Онъ убѣдился, что безумно изображать Его въ видѣ идоловъ изъ камня, глины и металла. Богъ возложилъ на него подвигъ освобожденія еврейскаго народа отъ рабства и соблазна идолопоклонства: и онъ порвалъ шелковыя сѣти міра, возсталъ и одолѣлъ

въ борьбѣ. Богъ послалъ ему испытаніе: сорокъ лѣтъ быть вождемъ строптивыхъ и слабыхъ, предводительствовать и поучать въ голодной и знойной пустынь. И сорокъ лѣтъ былъ онъ властенъ какъ царь, не утомимъ какъ поденщикъ, обремененный дѣтьми, нищъ какъ пастухъ, крѣпокъ и высокъ какъ борецъ, силенъ — и рыжъ какъ левъ. Его тѣло, лишь по чресламъ препоясанное звѣриной шкурой, стало чернымъ отъ солнца и вѣтра, а ступни грубы и мозолисты, какъ у верблюда. Въ старости онъ сталъ страшенъ для людей, и никто изъ нихъ не думалъ, что онъ смертенъ. Но часъ его приблизился.

Вы, слушающіе! Въ Книгѣ написано: «Всѣ зачаты въ лонѣ истины, — это родители дѣлаютъ изъ дѣтей евреевъ, христіанъ, огнепоклонниковъ». Мудрый же какъ слѣпой: онъ ощупываетъ каждый камень на пути, выбирая путь правый, онъ поднимаетъ лицо кверху, тянется къ единому источнику свѣта и тепла. Онъ думаетъ о жизни и о смерти, уменьшая страхъ свой передъ нею. И было не мало тѣхъ, что приняли чашу неизбежнаго спокойно; были и тѣ, что говорили: она сладостна такъ же, какъ чаша жизни. Только глупецъ тянется къ чашѣ смерти при жизни. Видъ

его противень. Но и тотъ глупецъ, кто не думаетъ о неизбѣжномъ, кто забываетъ, что у всѣхъ смертныхъ долженъ быть единый Возлюбленный, обладающій благостью и требующій покорности. Вы, слушающіе! Слушайте внимательно, какъ всегда долженъ слушать человѣкъ человѣка, и, слушая, думайте. Ибо мы говоримъ, мѣшая чужія хорошія слова со своими порядочными, о томъ, что не чуждо ни единому изъ насъ, а цѣль наша—утѣшеніе.

Въ Книгѣ написано: «Мы къ человѣку ближе, чѣмъ его сонная артерія». Богъ милосердъ. Онъ знаетъ, что хорошо и что дурно для насъ. Онъ сотворилъ насъ смертными, мы же думаемъ противиться смерти. Напрасный трудъ! Слышали ли вы, чего стоило Искандеру Двурогому достигнуть Страны Мрака? Все же не ему удалось испытъ воды вѣчной жизни, о кторой ему говорили: она въ Странѣ Мрака. Ангелъ вѣтровъ не заботится о томъ, что отъ крыль его погаснетъ свѣтильникъ бѣдной вдовы. Гонецъ смерти не внемлетъ ни мольбѣ пастуха ни воплю владыки. Погоди: земля выѣстъ мозгъ изъ нашихъ череповъ, полныхъ замысловъ. Смерть не монголъ и ты не Атабекъ-Абубекръ: отъ нея не откупишься золотомъ. Ищите же утѣшенія.

Пророкъ воспротивился волѣ Бога въ пустынь; и за послушаніе былъ наказанъ тяжело: Богъ запретилъ ему войти въ землю обѣтованную. Пророкъ возмущился духомъ, когда вспомнилъ, что онъ смертенъ, и что смерть уже близка къ нему, ибо онъ былъ старъ. Онъ сказалъ: «Я вступлю въ единоборство съ нею». Въ полдень, проходя по еврейскому стану въ горахъ Моавъ, онъ не увидѣлъ своей тѣни. И затрепеталъ отъ страха, и помутилось въ головѣ его, какъ у человѣка сраженнаго лихорадкой. Тогда пошелъ онъ къ шатру своему той поступью, какой идетъ раненый звѣрь на противника. И препоясался мечомъ и приказалъ подать пищи. И ѣлъ много и жадно, до пресыщенія. И почувствовалъ боли и тошноту, какъ бы отъ яда, и позеленѣлъ въ лицѣ, покрылся потомъ, какъ рождающая женщина, и легъ на землю, крича дико: «Вотъ я умираю, обнажите мечи и встаньте на защиту мою!» Такъ кричалъ онъ первый день. На второй боли усилились, и онъ сталъ молить, стеною и злобствуя: «Позовите врача ко мнѣ!» Когда же врачъ обнаружилъ свое безсиліе, и насталъ третій день, пророкъ сказалъ тихо: «О, пожалѣйте меня! Смерть непобѣдима!» И ослабѣлъ и впалъ въ сонъ

и спалъ весь день, и боли отступили отъ него. И, очнувшись, увидѣлъ, что уже ночь и онъ одинъ, и опять ощутилъ сѣдлость жизни и печаль разлуки. Тогда вошли къ нему два темныхъ ангела, чтобы утѣшить и приготовить его.

Одинъ сѣлъ въ возглавіи, другой въ ногахъ пророка. «Говори!»—сказали они. Но онъ молчалъ и не отвѣтилъ имъ, думая. Онъ глядѣлъ въ ночь, за приподнятую полу шатра, въ страхѣ чувствуя ихъ присутствіе, ибо еще не вошла во всѣ жилы его истина. И было такъ тихо въ шатрѣ и въ пустынѣ, что всѣ трое слышали шорохъ горячаго вѣтра, пробѣгавшаго въ темнотѣ мимо. Звѣзды же горѣли сумрачно, какъ во всѣ жаркія ночи.

«Богъ милосердъ къ Своимъ созданіямъ»,—сказалъ ангелъ, сидящій въ головахъ пророка.

«Но вотъ человѣкъ страдающій: онъ умираетъ и умираетъ»,—сказалъ ангелъ, сидящій въ ногахъ его.

Они хотѣли испытать пророка, но онъ понималъ это. И отвѣтилъ, думая:

«Это была не смерть, а болѣзнь, наказаніе. Не лучше ли такъ думать? Ибо испытавшій смерть не можетъ говорить о ней. Мы не знаемъ ея».

«Солнце—источникъ жизни»,—сказалъ ангелъ, сидящій въ возглавіи.

«Но оно же и смертельно, какъ рога-тая гадюка»,—сказалъ ангелъ, сидящій на-противъ.

Они хотѣли испытать его, но онъ понималъ это. И, отвѣтилъ думая:

«Мы не знаемъ цѣли Бога. А Онъ благъ, и цѣль Его—благая. Не лучше ли такъ думать? Каждое мгновеніе свое долженъ человѣкъ посвящать жизни, помня о смерти лишь затѣмъ, дабы взвѣшивать дѣла свои на вѣсахъ ея и безъ страха встрѣтить часъ неизбѣжный. Какъ бы зналъ торгующій, что онъ честенъ съ покупателемъ, что онъ даетъ ему должное, если бы не было вѣсовъ? Какъ бы провелъ свой день человѣкъ, если бы сердца его не покидало возмущеніе, что зайдетъ въ свой часъ солнце,—если бы овладѣло имъ желаніе не допустить этого? Былъ бы онъ безуменъ и бесплоденъ».

«Сонъ мертвыхъ сладокъ»,—сказалъ ангелъ, сидящій въ возглавіи пророка.

«Но вотъ умеръ въ станѣ еврейскомъ человѣкъ счастливый, молодой, любимый»,—сказалъ ангелъ, сидящій въ ногахъ его.—Ты послушай: вотъ шорохъ горячаго вѣтра, пробѣгающаго въ темнотѣ мимо, звѣз-

ды горятъ сумрачно, и гіены плачутъ и скулятъ отъ злого счастья, торопливо разрывая могилу, приюхиваясь къ злово- нію и предвкушая пожирание внутренностей. Скорбь же близкихъ умершаго страшнѣй самой могилы».

Они хотѣли испытать пророка и рани- ли сердце его. Но, думая, онъ сказалъ имъ:

«Я вспоминаю каждое мгновенье моей жизни: сладкаго дѣтства, радостной моло- дости, трудовой зрѣлости — и оплакиваю ихъ. Вы говорите о могилѣ—и руки мои холодѣютъ отъ страха. Прошу васъ: не утѣшайте меня, ибо утѣшеніе лишаетъ мужества. Прошу васъ: не напоминайте мнѣ о тѣлѣ, ибо оно сгніетъ. Не лучше ли иначе думать? И стоянку, долину, защи- щенную отъ вѣтровъ, гдѣ провелъ чело- вѣкъ хотя бы одинъ день, покидаетъ онъ съ сожалѣніемъ; но онъ долженъ итти, если итти необходимо. Говоря со стра- хомъ о могилѣ, не говоримъ ли мы сло- вами древнихъ, знавшихъ тѣло и не знав- шихъ Бога и безсмертія душъ? Страшно величіе дѣлъ Божьихъ. Не принимаемъ ли мы этотъ страхъ за страхъ смерти? Ча- ще говорите себѣ: часъ ея не такъ стра- шенъ, какъ мы думаемъ. Иначе не могъ бы существовать ни міръ ни чело- вѣкъ».

«Онъ мудръ»,—сказалъ ангелъ, сидя- щій въ возглавіи.

«Онъ былъ строптивъ и дерзокъ,—ска- залъ ангелъ, сидящій напротивъ. — Онъ мечталъ бороться съ Богомъ и вотъ сно- ва будетъ наказанъ: ни единый смертный не укажетъ могилы его въ горахъ Моава. И тѣмъ уменьшится слава его».

Они хотѣли испытать пророка, но онъ понялъ ихъ и отвѣтилъ имъ твердо:

«Благостна слава достойныхъ славы. Но должно быть уменьшено то, что заслужило уменьшенія. Ибо и самого славнаго раду- етъ только истинная мѣра славы».

Тогда ангелы, пораженные мудростью пророка, воскликнули, вставая съ мѣстъ:

«Воистину самъ Богъ утѣшитъ тебя! Мы же поклоняемся тебѣ».

Они были темны и стояли въ темномъ шатрѣ. Но глаза ихъ сіяли, и пророкъ ви- дѣлъ звѣдное сіяніе ихъ глазъ. Они ото- шли въ ночь какъ тѣни, чуть склонясь при выходѣ изъ шатра. Пророкъ же остал- ся одинъ среди ночи и пустыни, лежа на землѣ. И когда взошло солнце изъ-за ка- менистыхъ горъ, и стало свѣтло и жарко въ шатрѣ, чувствуя великую жажду отды- ха въ прохладѣ, пророкъ оставилъ свое ложе и пошелъ въ долину среди горъ,

ища тѣни. Но и въ долинѣ уже не было ея. Въ нѣдрахъ же одной горы была пещера. И вотъ два невольника острыми кирками осѣкаютъ входъ въ пещеру. Камни у входа были бѣлы, какъ снѣгъ горный, и горячи отъ солнца. И черные волосы мѣднеликихъ невольниковъ и повязки вокругъ чреслъ ихъ были мокры отъ пота. Но два свѣжихъ плода, два яблока лежало на камнѣ возлѣ пещеры, а въ пещерѣ были мракъ и прохлада. И сказали работавшіе, опуская кирки:

«Привѣтствуемъ тебя, господинъ и вождь, во имя Бога милостиваго; милосердаго. Вотъ мы кончили свой трудъ».

И пророкъ спросилъ ихъ:

«Кто вы и что вы дѣлали?»

Они же отвѣтили ему:

«Мы готовили для царя кладохранилищу. Войди, взгляни и одохни отъ пути и зноя. Уста свои освѣжи плодами и скажи намъ: какой слаще и спѣльѣе изъ нихъ?»

И, войдя въ пещеру, пророкъ сѣлъ на каменное ложе у стѣны ея и почувствовалъ тѣнь и прохладу. И, откусивъ перваго плода, сказалъ:

«Воистину это сама жизнь: я пью ключевую воду, я обоняю благоуханіе поле-

выхъ цвѣтовъ и чувствую вкусъ осинаго меда. Я бодръ и силенъ».

И, откусивъ второго, воскликнулъ:

«Воистину это ни съ чѣмъ несравнимо: я пью вина райскія, запечатанныя печатью изъ мускуса, утоляющія жажду тѣхъ, что приближаются къ Вѣчному. Я обоняю ароматъ Сада небеснаго и чувствую вкусъ меда изъ цвѣтовъ его: въ этомъ медѣ нѣтъ горечи. И вотъ сонъ блаженный туманить мнѣ голову. Не будите меня, невольники, доколѣ не исполнится мой срокъ».

И невольники,—это были ангелы, невольники Божіи,—стали тихо продолжать затихающую рѣчь его:

«Доколѣ,—сказалъ первый, читая суру о Великой Вѣсти:—доколѣ солнце не будетъ согнуто, не падутъ съ неба звѣзды, не сдвинутся съ мѣста горы, не будутъ покинуты верблюдицы, не соберутся въ стаи дикіе звѣры, не закипятъ моря...»

«Я Синъ,—сказалъ второй, читая суру Отходную. — Слава царствующему надо всѣмъ міромъ! Вы всѣ возвратитесь къ Нему...»

И, слушая ихъ шопотъ, но не слыша ихъ словъ, пророкъ возлегъ на ложе и опочилъ сномъ смерти, не вѣдая того. И

ангелы закрыли входъ въ могильную пещеру и отошли къ Господину, пославшему ихъ. И приложился пророкъ къ народу своему, насыщенный днями, и не замѣтивъ конца своихъ дней. Никто, даже и доньнѣ, не созерцалъ его могилы въ горахъ Моава. Но мудрость его запечатлѣна въ памяти всѣхъ народовъ и записана на небесахъ въ книгѣ вѣчной — Гилльюнъ.

Шейхъ Саади, — да будетъ благословенно его имя! — шейхъ Саади, — много его жемчужинъ нанизали мы рядомъ со своими на нитку хорошаго слога! — рассказалъ намъ о человѣкѣ, испытавшемъ сладость приближенія къ Возлюбленному. Человѣкъ этотъ былъ погруженъ въ созерцаніе; когда же очнулся онъ, спросили его съ ласковой усмѣшкой: «Гдѣ же цвѣты, изъ сада мечты твоей?» И человѣкъ отвѣтилъ: «Я хотѣлъ набрать для друзей моихъ цѣлую полу розъ; но, когда я приблизился къ розовому кусту, такъ опьянилъ меня ароматъ его, что я выпустилъ ее изъ рукъ».

Кто можетъ, тотъ свяжетъ рассказъ поэта съ нашимъ.

Миръ и радость всѣмъ живущимъ!

Б р а т ь я .

Взгляни на братьевъ, избирающихъ другъ друга. Я хочу говорить о печали.

Сутта Нипата.

Дорога изъ Коломбо вдоль океана идетъ въ густыхъ кокосовыхъ лѣсахъ. Справа, въ ихъ тѣнистой глубинѣ, испещренной солнечнымъ свѣтомъ, подъ высокимъ навѣсомъ перистыхъ метелокъ-верхушекъ, разбросаны сингалезскія хижины, полускрытыя блѣдно-зелеными лопастями банановъ, похожихъ на гигантскую кукурузу, такія низенькія по сравненію съ окружающимъ ихъ тропическимъ лѣсомъ! Слева, среди высокихъ и тонкихъ, въ разныя стороны и причудливо изогнутыхъ темнокольчатыхъ стволовъ, стедются глубокіе шелковистые пески, блещетъ золотое, жаркое зеркало водной глади и стоятъ на ней, какъ бы мѣшаются со стволами грубые наруса первобытныхъ пирогъ, утлыхъ сигароподоб-

ныхъ дубковъ. На пескахъ, въ райской наготѣ, валяются кофейныя тѣла черно-волосыхъ подростковъ. Много этихъ тѣлъ плещется со смѣхомъ, крикомъ и въ теплой прозрачной водѣ каменистаго побережья... Казалось бы, зачѣмъ имъ, этимъ лѣснымъ людямъ, прямымъ наслѣдникамъ земли прародителей, какъ и теперь еще называютъ Цейлонъ, зачѣмъ имъ города, центы, рупіи? Развѣ не все даютъ имъ лѣсъ, океанъ, солнце? Однако, входя въ лѣта, одни изъ нихъ торгуютъ, другіе работаютъ на рисовыхъ и чайныхъ плантаціяхъ, третьи—на сѣверѣ острова—ловятъ жемчугъ, опускаясь на дно океана и поднимаясь оттуда съ кровавыми глазами, четвертые замѣняютъ лошадей, — возятъ европейцевъ по городамъ и окрестностямъ ихъ, по темно-краснымъ тропинкамъ, осѣненнымъ громадными сводами лѣсной зелени, по тому «кабуку», изъ котораго и былъ созданъ Адамъ: лошади плохо переносятъ цейлонскій зной, — даже австралійскія, — всякій богатый резидентъ, который держитъ лошадь, отправляетъ ее на лѣто въ горы, въ Кэнди, въ Нурилью.

На лѣвую руку рикши, между плечомъ и локтемъ, англичане, нынѣшніе хозяева

острова, надѣваютъ бляху съ номеромъ. Есть простые номера, есть особенные. Старику-сингалезу, рикшѣ, жившему въ одной изъ лѣсныхъ хижинъ подъ Коломбо, достался особенный, седьмой номеръ. «Зачѣмъ,—сказалъ бы Возвышенный:—зачѣмъ, монахи, захотѣлъ этотъ старый человѣкъ умножить свои земныя горести?»—«Затѣмъ,—отвѣтили бы монахи:—затѣмъ, Возвышенный, захотѣлъ этотъ старый человѣкъ умножить свои земныя горести, что былъ онъ движимъ земной любовью, тѣмъ, что отъ вѣка призываетъ всѣ существа къ существованію». Онъ имѣлъ жену, сына и много маленькихъ дѣтей, не боясь того, что «кто имѣетъ ихъ, тотъ имѣетъ и заботу о нихъ». Онъ былъ черенъ, очень худъ и невзраченъ, похожъ и на подростка и на женщину; посѣрѣли его длинные волосы, въ пучокъ собранные на затылкѣ и смазанные кокосовымъ масломъ, сморщилась кожа по всему тѣлу, или, лучше сказать, по костямъ; на бѣгу потъ ручьями лилъ съ его носа, подбородка и тряпки, повязанной вокругъ жидкаго таза, узкая грудь дышала со свистомъ и хрипомъ; но, подкрѣпляя себя дурманомъ бетеля, нажевывая и сплевывая кровавую пѣну, пачкая усы и губы, бѣгалъ онъ быстро, и бѣлые,

катавшіеся въ его черной лакированной колясочкѣ по знойному городу, по темно-краснымъ, мягкимъ отъ солнца и пахнущимъ цвѣточнымъ перегноемъ и нефтью мостовымъ, были довольны.

Движимый любовью, онъ не для себя, а для семьи, для сына хотѣлъ счастья, того, что не суждено было, не далось ему самому. По-англійски онъ зналъ плохо, названія мѣстъ, куда надо было бѣжать, разбиралъ не сразу—и часто бѣжалъ наугадъ. Колясочка рикши очень мала; она съ откиднымъ верхомъ, колеса ея тонки и высоки, оглобли не толще хорошей трости. И вотъ влѣзаетъ въ нее большой бѣлоглазый человѣкъ, весь въ бѣломъ, въ бѣломъ шлемѣ, въ грубой, но дорогой обуви, усаживается плотно, кладетъ нога на ногу и сдержанно повелительно, въ горло себѣ, каркаетъ. Подхвативъ оглобли, старикъ припадаетъ къ землѣ и стрѣлой летитъ впередъ, едва касается земли легкими ступнями. Человѣкъ въ шлемѣ, держа палку въ конопатыхъ рукахъ, задумался о дѣлахъ, заглядѣлся — и вдругъ злобно выкатываетъ глаза: да онъ мчится совсѣмъ не туда, куда надо! Короче сказать, не мало палокъ влетѣло старику въ спину, въ черныя лопаточки, вѣчно сдвинутыя въ чайніи удара.

Но не мало и лишнихъ центовъ сорвалъ онъ съ англичанъ: осадивъ себя на всемъ бѣгу у подъѣзда какого-нибудь отеля или конторы и бросивъ оглобли, онъ такъ жалостно морщился, такъ поспѣшно выкидывалъ впередъ длинныя тонкія руки, сложивъ ковшикомъ мокрыя обезьяньи ладони, что нельзя было не прибавить.

Разъ прибѣжалъ онъ домой совсѣмъ не въ урочное время: въ самый жаръ полдня, когда золотыми стрѣлами снуютъ въ лѣсахъ тѣ лимонныя птички, что называются солнечными, когда такъ весело и рѣзко вскрикиваютъ зеленые попугаи, срываясь съ деревьевъ и радугой сверкая въ пестротѣ лѣсовъ, въ ихъ тѣни и лаковомъ блескѣ, когда такъ сладко и тяжело пахнутъ въ оградахъ старыхъ буддійскихъ вихаръ, крытыхъ черепицей, сливочные цвѣты безлиственнаго жертвеннаго дерева, похожіе на маленькіе туберозы, такими яркими самоцвѣтами переливаются толстоголовые хамелеоны, мелькая и по гладкимъ, и по кольчатымъ, какъ хоботъ слона, стволамъ деревьевъ, такъ много рѣетъ и замираетъ на солнцѣ огромныхъ пышныхъ бабочекъ и агатовымъ зерномъ кишать, текутъ горячіе бурые холмики муравьевъ. Все въ лѣсахъ пѣло и славилло бога жизни-

смерти Мару, бога «жажды существованія», все гонялось другъ за другомъ, радовалось краткой радостью, истребляя другъ друга, а старый рикша, уже ничего не жаждавшій, кромѣ прекращенія своихъ мученій, легъ въ душномъ сумракѣ своей мазанки, подъ ея пересохшей листовенной крышей, шуршащей красными змѣйками, и къ вечеру умеръ—отъ ледяныхъ судорогъ и водяного поноса. Жизнь его угасла вмѣстѣ съ солнцемъ, закатившимся за сиреневой гладью великихъ водныхъ пространствъ, уходящихъ къ западу, въ пурпуръ, пепель и золото великолѣпнѣйшихъ въ мірѣ облаковъ,—и настала ночь, въ которую въ лѣсахъ подъ Колombo остался отъ рикши только маленькій скорченный трупъ, потерявшій свой номеръ, свое имя, какъ теряетъ свое названіе рѣка Келани, достигнувъ океана. Солнце, заходя, переходитъ въ вѣтеръ; а во что переходитъ умершій? Ночь быстро гасила сказочно-нѣжныя, розовыя и зеленыя краски минутныхъ сумерекъ, летучія лисицы безшумно проносились подъ вѣтвями, ища ночлега, и черной жаркой тьмой наполнялись лѣса, загораясь мириадами свѣтящихся мухъ и таинственно, знойно звеня цикадами и цвѣтами, въ которыхъ живутъ мелкія древесныя лягушки.

Въ далекой лѣсной кумирнѣ, передъ лампадкой, чуть мерцавшей на черномъ жертвенникѣ, облитомъ кокосовымъ масломъ и усыпаннымъ рисомъ и увядшими цвѣточными лепестками, на правомъ боку, кротко подложивъ ручку подъ голову, покоился Возвышенный, гигантъ изъ сандальнаго дерева, съ широкимъ позолоченнымъ лицомъ и длинными косыми глазами изъ сапфира, съ улыбкой мирной грусти на тонкихъ губахъ. На спинѣ лежалъ въ темной хижинѣ рикша, и смертная мука искажала его жалкія черты, ибо не дошелъ до него голосъ Возвышеннаго, призывавшій къ отреченію отъ земной любви, ибо за могилой ждала его новая скорбная жизнь, слѣдъ неправой прежней. Зубастая старуха, сидѣвшая у порога хижины, у костра подъ котелкомъ, плакала въ эту ночь, скорбь свою питая все той же неразумной любовью и жалостью. Возвышенный уподобилъ бы ея чувства мѣдной серьгѣ въ ея правомъ ухѣ, имѣвшей видъ боченка: серьга была велика и тяжела, она такъ оттянула разрѣзъ мочки, что образовалась порядочная дыра. Рѣзко бѣлѣла ея короткая кофточка изъ бумажной матеріи, надѣтая прямо на голое кофейное тѣло. Голыя дѣти, какъ чертенята,

играли, визжали, гонялись другъ за другомъ возлѣ. А сынъ, легконогій юноша, стоялъ въ полутьмѣ за огнемъ. Онъ вечеромъ видѣлъ свою невѣсту, круглолицую тринадцатилѣтнюю дѣвочку изъ сосѣдняго селенья. Онъ испугался и удивился, услышавъ о смерти отца,—онъ думалъ, что это будетъ еще не скоро. Но, вѣрно, былъ онъ слишкомъ взволнованъ другою любовью, которая сильнѣе любви къ отцамъ. «Не забывай, — сказалъ Возвышенный:—не забывай, юноша, жаждущій возжечь жизнь отъ жизни, какъ возжигается огонь отъ огня, что всѣ страданія этого міра, гдѣ каждый либо убійца, либо убиваемый, всѣ скорби и жалобы его — отъ любви». Но уже безъ остатка, какъ скорпіонъ въ свое гнѣздо, вошла любовь въ юношу. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на огонь. Какъ у всѣхъ дикихъ, ноги его были не въ мѣру тонки. Но и Шива позавидовалъ бы красотѣ его торса цвѣта темной корицы. Блестѣли при огнѣ его черно-синіе конскіе волосы, гладко натянутые и собранные на макушкѣ, блестѣли глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, и блескъ ихъ былъ подобенъ блеску кокса противъ горна.

На другой день сосѣди отнесли мерт-

ваго старичка въ глубину лѣса, положили въ яму, головой на западъ, къ океану, торопливо, но стараясь не шумѣть, забросали землей, листьями и торопливо пошли омываться. Старичокъ отбѣгался; съ его тонкой, посѣрѣвшей и сморщившейся руки сняли мѣдную бляху—и, любясь ею, раздувая тонкія ноздри, юноша надѣлъ ее на свою, круглую и теплую. Сперва онъ только гонялся за опытными рикшами, прислушиваясь, куда посылаютъ ихъ сѣдоки, запоминалъ названія улицъ и англійскія слова; потомъ и самъ сталъ возить, самъ сталъ зарабатывать, готовясь къ своей семьѣ, къ своей любви, желаніе которой есть желаніе сыновей, равно какъ желаніе сыновей есть желаніе имущества, а желаніе имущества—желаніе благополучія. Но однажды, прибѣжавъ домой, онъ наткнулся на другую страшную вѣсть: невѣста его исчезла—пошла на Невольничій Островъ, въ лавку, и не вернулась. Отецъ невѣсты, хорошо знавшій Коломбо, часто ходившій туда, дня три разыскивалъ ее и, должно быть, что-нибудь узналъ, потому что вернулся успокоенный. Онъ вздыхалъ и опускалъ глаза, выражая покорность судьбѣ; но это былъ большой притворщикъ, старикъ лукавый, какъ всѣ, у кого есть до-

статокъ, кто торгуешь въ городѣ. Онъ былъ полонъ, съ женскими грудями, съ матовой сѣдиной, зачесанной и украшенной дорогимъ черепаховымъ гребнемъ; ходилъ онъ босикомъ, но подъ зонтомъ, бедра обертывалъ кускомъ хорошей пестрой матеріи; кофта на немъ была пикейная. Отъ него нельзя было добиться правды, а женщины, дѣвушки всѣ слабы, какъ всѣ рѣки извилисты, и молодой рикша понималъ это. Въ столбнякѣ просидѣвъ двое сутокъ дома, не притрогиваясь къ пищѣ, только жуя бетель, онъ наконецъ очнулся и опять убѣжалъ въ Коломбо. О невѣстѣ онъ, казалось, совсѣмъ забылъ. Онъ бѣгалъ, жадно копилъ деньги—и нельзя было понять, во что больше онъ влюбленъ: въ свою бѣготню или въ тѣ серебрянные кружочки, что собиралъ за нее. Одинъ русскій морякъ снялся съ нимъ въ фотографіи и подарилъ ему карточку. Долго послѣ того молодой рикша радостно дивился на свое изображеніе: онъ стоялъ въ оглобляхъ, повернувъ лицо къ воображаемымъ зрителямъ, и всякій сразу могъ узнать его,—вышла даже бляха на рукѣ. Благополучно, съ виду даже счастливо проработалъ онъ такъ съ полгода.

И вотъ сидѣлъ онъ какъ-то утромъ,

вмѣстѣ съ другими рикшами, подъ многоствольнымъ баніаномъ на той длинной улицѣ, что идетъ отъ Невольничьяго Острова къ Парку Викторіи. Горячее солнце только-что показалось изъ-за деревьевъ со стороны Мараданы. Но высоко разросся баніанъ, и уже не было тѣни у его корней, осыпанныхъ сожженной листвою. Колясочки накалялись отъ зноя, тонкія оглобли ихъ лежали на темно красной разогрѣтой землѣ, пахнувшей и нефтью и такъ, какъ пахнетъ теплый отъ размолы кофе. Съ этимъ запахомъ мѣшались густые сладкіе запахи вѣчно-цвѣтущихъ окрестныхъ садовъ, камфары, мускуса и того, что ѣли рикши; а ѣли они бананы, маленькіе, теплые, нѣжно-розовые, въ золотистой кожѣ, ѣли тѣ оранжевые плоды, мясо которыхъ похоже на дѣтское тѣло съ привкусомъ терпентина, и болтали, сидя на землѣ, до подбородка поднявъ острыми углами колѣни, положивъ на нихъ руки, а на руки—свои женскія головы. Вдругъ вдаль, возлѣ бѣлыхъ оградъ бунгаловъ, испещренныхъ свѣтотѣнью, показался человѣкъ въ бѣломъ. Онъ шелъ по срединѣ улицы той упрямой и твердой походкой, которой ходятъ только европейцы. И, молніей вскочивъ съ земли, вперегонки кинулась къ

нему вся стая этихъ голыхъ длинноногихъ людей. Они налетѣли на него со всѣхъ сторонъ, и онъ грозно крикнулъ, взмахнувъ тростью. Робкіе и обидчивые, они со всего разбѣга осадили себя вокругъ него. Онъ взглянулъ на нихъ, — и седьмой номеръ съ его смоляными конскими волосами показался ему сильнѣе прочихъ. На седьмой номеръ и палъ его выборъ.

Онъ былъ не высокъ и крѣпокъ, въ золотыхъ очкахъ, съ черными сросшимися бровями, въ черныхъ короткихъ усахъ, съ оливковымъ цвѣтомъ лица, на которомъ тропическое солнце и болѣзнь печени уже оставили свой смуглый слѣдъ. Шлемъ на немъ былъ сѣрый, глаза какъ-то странно, будто ничего не видя, глядѣли изъ угольной тьмы бровей и рѣсницъ сквозь блестящія стекла. Онъ сѣлъ умѣло—сразу нашелъ въ колясочкѣ ту точку, при которой рикшѣ свободнѣе бѣжать, и, взглянувъ на татуированную кисть лѣвой руки, короткой и сильной, на маленькіе часики въ кожаной лункѣ, назвалъ Йоркъ-Стритъ. Деревянный голосъ его былъ твердъ и спокоенъ, но взглядъ страненъ. И рикша подхватилъ оглобли и понесся впередъ гораздо быстрѣе, чѣмъ требовалось, поминутно пощелкивая звонкомъ, прикрѣпленнымъ на

концѣ оглобли, и тасуясь съ пѣшеходами, арбами и другими рикшами, бѣгущими назадъ и впередъ.

Былъ конецъ марта, самое знойное время года. Не прошло и трехъ часовъ съ восхода солнца, а ужъ казалось, что близокъ полдень,—такъ жарко, свѣтло было всюду и такъ многолюдно возлѣ лавокъ въ концѣ улицы. Земля, сады, вся та высокая раскидистая растительность, что зеленѣла и цвѣла надъ бунгалоу, надъ ихъ мѣловыми крышами и надъ старыми черными лавками, пресытили воздухъ тепломъ и благовоніемъ, а дождевыя деревья туго свернули свои листья-чашечки. Ряды лавокъ, вѣрнѣе, навѣсовъ, крытыхъ темной черепицей, увѣшанныхъ огромными связками банановъ, сушеной рыбой, вяленой акулой, были полны покупателями и продавцами, одинаково похожими на темнокожихъ банщиковъ. Рикша, подавшись впередъ, мелькая длинными ногами, бѣжалъ быстро, и еще ни одной капли пота не было на его лоснящейся кокосовымъ масломъ спинѣ, на его округлыхъ плечахъ, среди которыхъ тонкій стволъ дѣвичьей шеи граціозно держалъ смоляную голову, накаляемую солнцемъ. Въ самомъ концѣ улицы онъ вдругъ остановился. Чуть повернувъ лицо, онъ

быстро проговорилъ что-то по-своему. Англичанинъ, его сѣдокъ, увидалъ концы изогнутыхъ рѣсницъ, уловилъ слово «бетель» и поднялъ брови. Какъ? Такой молодой, крѣпкій, пробѣжалъ какихъ-нибудь двѣсти шаговъ и уже бетель? Не отвѣтивъ, онъ ударилъ рикшу тростью по лопаткамъ. Но тотъ,—трусливый, какъ всѣ сингалезы, но порой и настойчивый,—только дернулъ плечомъ и стрѣлой полетѣлъ вкось по улицѣ, къ лавкамъ.

— Бетель!—повторилъ онъ, поворачивая къ англичанину гнѣвные глаза и пособачьи оскалившись.

Но англичанинъ уже забылъ о немъ. Онъ смотрѣлъ куда то въ сторону и только махнулъ волосатой смуглой рукой, на которой блеснуло старое золотое кольцо. И черезъ минуту рикша выскочилъ изъ лавочки, держа на узкой ладони листъ перечнаго дерева, намазывая его известью и завертывая въ него кусочекъ арековаго плода, похожій на кусочекъ кремня. Не убивай, не воруй, не прелюбодѣйствуй, не лги и ничѣмъ не охмеляйся, заповѣдалъ Возвышенный. Да, но что зналъ о Немъ рикша? Смутно звучало въ его сердцѣ то, что было смутно воспринято несмѣтными сердцами его предковъ. Въ дождливое вре-

мя года онъ ходилъ съ отцомъ къ священнымъ шалашамъ и тамъ, среди женщинъ и нищихъ, слушалъ жрецовъ, читавшихъ на древнемъ, всѣми забытомъ языкѣ, и ничего не понималъ, только подхватывалъ общее радостное восклицаніе при имени Возвышеннаго. Не разъ случалось, что молился при немъ отецъ на порогѣ кумирни: онъ преклонялся передъ лежащей деревянной статуей, бормоча ея заповѣди, поднимая соединенныя ладони ко лбу, а потомъ клалъ на жертвенникъ самую мелкую и старую изъ своихъ тяжело заработанныхъ монетъ. Но бормоталъ онъ равнодушно,—снѣ въдь только боялся картинъ на стѣнахъ кумирни, изображеній муки грѣшниковъ; онъ преклонялся и передъ другими богами, передъ ужасными индусскими статуями, онъ и въ нихъ вѣрилъ, какъ вѣрилъ въ силу демоновъ, змѣй, звѣздъ, мрака...

Сунувъ бетель въ ротъ, рикша, въ чувствахъ своихъ рѣзко измѣнчивый, дружелюбно улыбнулся англичанину глазами, схватилъ оглобли и, оттолкнувшись лѣвой ногой, опять побѣжалъ. Солнце слѣпило, сверкало въ золотѣ и стеклахъ очковъ, когда англичанинъ поднималъ голову. Солнце жгло его руки и колѣни, земля го-

рячо дышала, было даже видно, что надъ ней, какъ надъ жаровней, дрожить воздухъ... Двѣ дороги вели въ городъ, или, какъ называютъ его резиденты, въ Фортъ: одна вправо, мимо малайскаго капища, по дамбѣ между лагунами, другая влѣво, къ океану. Англичанину хотѣлось послѣдней. Но рикша обернулся на бѣгу, показывая свои окровавленные губы, и сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, чего хотятъ отъ него. И англичанинъ опять уступилъ, — онъ разсѣянно смотрѣлъ вокругъ себя.

Зеленая лагуна, блестящая, теплая, полная черепахъ и гнили, лежала справа. По дамбѣ шли, ѣхали, бѣжали, щелкая звонками. Стали попадаться рикши въ фескахъ, бѣлыхъ кителяхъ и короткихъ бѣлыхъ панталонахъ. Европейцы, сидѣвшіе въ колясочкахъ, были блѣдны послѣ томительной ночи, высоко задирали свои бѣлые башмаки, положивъ колѣно на колѣно. Прокатила двуколка, запряженная сѣрымъ горбатымъ бычкомъ, — подъ ея навѣсомъ, въ легкой жаркой тѣни, сидѣлъ парсъ, желтолицый старикъ, похожій на евнуха, въ халатѣ и бархатномъ черепенникѣ, шитомъ золо-

томъ. Великанъ афганецъ въ бѣлыхъ шароварахъ, въ мягкихъ сапогахъ съ загнутыми носками, въ бѣломъ казакинѣ и огромномъ розовомъ тюрбанѣ, неподвижно стоялъ надъ лагуной, глядя на черепахъ, въ теплую жидкую воду. Безъ конца тянулись влекомыя волами длинныя крытыя арбы. Подъ ихъ узкими соломенными сводами навалены были тюки товаровъ, а порою — цѣлая куча коричневыхъ тѣлъ, молодыхъ рабочихъ. Тощіе, сожженные зноемъ старики, съ красными отъ красной пыли ногами, шагали у колесъ, точно муміи старухъ. Шли каменщики, дюжие томилы, похожіе на негровъ...

«Пагода» — разумѣя чайный домъ, сказалъ англичанинъ подъ тѣми патриархальными деревьями, что растутъ при вѣздѣ въ Фортъ, подъ необъятными навѣсами ихъ зелени, свѣтлой отъ солнца, проникающаго ее.

Возлѣ стараго голландскаго зданія съ аркадами въ нижнемъ этажѣ остановились. Англичанинъ посмотрѣлъ на часы и ушелъ пить чай и курить сигару. А рикша сдѣ-

лалъ полукругъ по широкой тѣнистой улицѣ, по красно-лиловой мостовой, усыпанной желтыми и алыми лепестками кетмій, и, бросивъ оглобли у древесныхъ корней, съ разбѣгу сѣлъ. Онъ поднялъ колѣни и положилъ на нихъ локти, жарко дыша баннымъ благовоннымъ тепломъ полдня и бессмысленно поводя глазами за проходящими сингалезами и европейцами, вынулъ изъ-за передника тряпку, вытеръ ею окровавленные бетелемъ губы, лицо, выпуклости на гладкой груди и, сложивъ ее бинтомъ, приложилъ ко лбу, повязалъ голову: это было совсѣмъ некрасиво, придавало ему видъ больного, но вѣдь многіе рикши дѣлають такъ. Онъ сидѣлъ и, можетъ быть, думалъ... «Тѣда наши, Господинъ, различны, но сердце, конечно, одно», — сказалъ Ананда Возвышенному, и, значитъ, можно представить себѣ, что долженъ думать или чувствовать юноша, выросшій въ райскихъ лѣсахъ подъ Коломбо и уже вкусившій самой сильной отравы—любви къ женщинѣ, уже вмѣшавшійся въ жизнь, быстро бѣгущую за радостями или убѣгающую отъ печалей, жизнь, которой «сопутствуютъ страсти, вожделѣнія, желаніе денегъ, имущества, благополучія». Мара уже ранилъ его, но вѣдь Мара и залѣчи-

ваетъ раны. Мара вырываетъ изъ рукъ чело-вѣка то, что схватилъ чело-вѣкъ, но вѣдь Мара и разжигаетъ чело-вѣка снова схватить отнятое, или другое что-нибудь, подобное отнятому... Напившись чаю, англичанинъ бродилъ по улицѣ, заходилъ въ магазины, разсматривалъ въ витринахъ драгоценные камни, слоновъ и буддъ изъ эбеноваго дерева, всякія пестрыя ткани, золотыя въ черныхъ крапинахъ шкуры пантеръ. А рикша, что-то думая или только чувствуя, ярко переглядывался съ другими рикшами и ходилъ позади англичанина, возя за собой колясочку. Ровно въ полдень англичанинъ далъ ему рупію, чтобы онъ купилъ себѣ поѣсть, а самъ ушелъ въ контору большого европейскаго пароходства. Рикша купилъ дешевыхъ папир-осъ, сталъ курить, сильно затягиваясь, глядя на папиросу, какъ дѣлають это женщины, и выкурилъ подъ-рядъ цѣлыхъ пять штукъ. Сладко одурманенный, сидѣлъ онъ противъ трехъэтажнаго дома, гдѣ была контора, и вдругъ, поднявъ глаза, увидѣлъ, что на балконѣ подъ бѣлой маркизой появился его сѣдокъ и еще чело-вѣкъ пять европейцевъ. Всѣ они смотрѣли въ бинокли на гавань. — и вотъ за крышами пристани показались

одна за другой и медленно поплыли три высокія, тонкія мачты, слегка отклоненныя назадъ. Съ балкона замахали платками, а изъ-за крышъ мрачно, могуче и величаво, отзываясь по рейду и въ городѣ, заревѣла труба: пароходъ изъ далекой Европы, котораго ожидалъ сѣдокъ рикши номеръ седьмой, прибылъ. Съ англійской точностью вошелъ онъ послѣ двадцатидневнаго плаванія въ Коломбо,—и то, чего совсѣмъ не ожидалъ рикша, еще полный надеждъ и желаній, этотъ роковой для него обѣдъ въ домѣ на лагунѣ, у агента пароходства, былъ рѣшенъ.

Но до обѣда, до вечера оставалось еще много времени. И опять вышелъ на улицу этотъ ничего не видящій человѣкъ въ очкахъ. Онъ простился съ тѣми двумя, что вышли съ нимъ и направились къ бѣлой статуѣ Викторіи, къ крытой пристани, и опять побрелъ по улицѣ рикша—на этотъ разъ къ отелю, гдѣ въ эту пору, въ полутемной залѣ, знойную духоту которой развѣвали, мѣшали съ запахомъ кушаній вертѣвшіяся подъ потолкомъ весла, бѣло и пило много богатыхъ резидентовъ и туристовъ. Не велика была бы бѣда, если бы опоздалъ пароходъ. Ничего не стоило англичанину отпустить уже соскучив-

шагося рикшу номеръ седьмой и. когда потребуется, взять другого,—ихъ вѣдь на каждомъ шагу десятки,—или же слѣдовало рикшѣ самому подняться, уйти отъ англичанина, благо онъ уже далъ ему рупію, и сыскать, для разнообразія, новаго сѣдока. Но пароходъ прибылъ во-время, англичанинъ былъ разсѣянъ, заплатитъ двѣ три лишнихъ рупіи онъ считалъ пустякомъ, о рикшѣ онъ не думалъ; а рикша и не смѣлъ и не желалъ уйти отъ него, онъ уже не могъ не дѣлать того, что началъ, какъ «не можетъ ударившій по барабану удержать рокотъ барабана». И опять, какъ собака, сѣлъ онъ на мостовую, на лепестки кетмій. Сквозная тѣнь соединяющихся свѣтло-зелеными вершинами деревьевъ осѣняла улицу, и шли мимо него въ этой тѣни женоподобные сингалезы, навязывая европейцамъ цвѣтныя открытки, черепаховые гребни, драгоценные камни,—одинъ даже таскалъ за собою на шнуркѣ и продавалъ звѣрька въ шубкѣ изъ длинныхъ колючекъ,—и все бѣжали, бѣжали по богатой европейской улицѣ эти полудикіе люди, рикши... Вдали, среди открытой площади, горѣла бѣлизной большая мраморная женщина, гордая, съ двойнымъ подбородкомъ, въ порфирѣ и коронѣ, воз-

сѣдавшая на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ. И оттуда толпой шли только что прибывшіе изъ Европы. На подъѣздѣ отеля выскакивали сизые и черные слуги, кланяясь, выхватывали изъ рукъ у нихъ трости, мелкія вещи, и поклонами, сдержанными и граціозными, встрѣчалъ ихъ на порогѣ человѣкъ, блестящій напомаженнымъ проборомъ, глазами, зубами, запонками, крахмальнымъ бѣльемъ, пикейнымъ смокингомъ, пикейными панталонами и бѣлой обувью. «Люди постоянно идутъ на пиршества, на прогулки, на забавы,—сказалъ Возвышенный, нѣкогда посѣтившій этотъ райскій пріютъ первыхъ людей, познавшихъ желанія.—Видъ, звуки, вкусъ, запахи опьяняютъ ихъ,—сказалъ Онъ,—желаніе обвиваетъ ихъ, какъ ползучее растеніе, зеленое, красивое и смертоносное, обвиваетъ дерево Шала»... Слѣды усталости, истомы отъ зноя, морской качки и болѣзней были на сѣрыхъ лицахъ, шедшихъ къ отелю. У всѣхъ видъ былъ полумертвый, всѣ говорили, не двигая губами, но всѣ шли и одинъ за другимъ скрывались въ сумракѣ вестибюля, чтобы разойтись по своимъ комнатамъ, вымыться, ободриться, а потомъ, опьянивъ себя ѣдой, питьемъ, сигарами и кофе, покатить на рикшахъ на бе-

регъ океана, въ Сады Корицы, къ инду-скимъ храмамъ и буддійскимъ вихарамъ. У каждого, у каждого въ душѣ было то, что заставляетъ человѣка жить и желать сладкаго обмана жизни! А рикшѣ, рожденному на землѣ первыхъ людей, развѣ не вдвойнѣ былъ сладокъ этотъ обманъ? Мимо него шли взадъ и впередъ джентльмены и лэди, пожилыя, некрасивыя, такія же длинозубыя, какъ его черная мать, сидѣвшая въ далекой лѣсной хижинѣ, но порою проходили и дѣвушки, миловидныя, въ бѣлыхъ нарядахъ, въ небольшихъ шляпахъ, окутанныхъ легкими вуалями, и, возбуждая въ немъ вожделѣніе, пристально глядѣли на его поднятыя великолѣпныя рѣсницы, на тряпку вокругъ его смолянной головы и на окровавленный ротъ. А развѣ она, та, что пропала въ этомъ городѣ, была хуже ихъ? Тепло тропического солнца взрастило ее. Отъ бѣлой, въ голубыхъ цвѣточкахъ, короткой кофты и такой же юбки, надѣтыхъ на голое, чуть полное, но крѣпкое, небольшое тѣло, она казалась чернѣе. У нея была круглая головка, выпуклый лобикъ, круглыя сіяющіе глаза, въ которой дѣтская робость уже смѣшивалась съ радостнымъ любопытствомъ къ жизни, съ затаенной

женственностью, нѣжной и страстной; было коралловое ожерелье на круглой шеѣ, маленькія руки и ноги въ серебряныхъ браслетахъ... Вскочивъ съ мѣста, рикша побѣжалъ въ одинъ изъ ближнихъ переулковъ, гдѣ въ старомъ одноэтажномъ домѣ подъ черепицей, съ толстыми деревянными колоннами, былъ простонародный баръ. Тамъ онъ положилъ на прилавокъ двадцать пять центовъ и за это вытянулъ цѣлый стаканъ виски. Смѣшавъ этотъ огонь съ бетелемъ, онъ обезпечилъ себя блаженнымъ возбужденіемъ почти до самаго вечера, до той поры, когда лѣса подъ Коломбо, наполняясь черной жаркой тьмой, таинственно зазвенять журчаніемъ и стономъ несмѣтныхъ цикадъ и древесныхъ лягушекъ, а чащи бамбука затрепещутъ міриадами огненныхъ искръ.

Пьянъ былъ и англичанинъ, выйдя съ сигарой изъ отеля,—глаза его были сонны, порозовѣвшее лицо стало какъ будто полнѣе. Онъ приказалъ вести себя сперва на почту, гдѣ опустилъ въ ящикъ три открытки, а отъ почты—къ саду Гордона, куда даже не зашелъ,—только посмотрѣлъ въ ворота на монументъ и на аллеи, — а отъ сада Гордона—куда глаза глядятъ: къ Черному Городу, къ рынку въ Черномъ

Городѣ, къ рѣкѣ Келани... И пошелъ, пошелъ мотать его пьяный и съ головы до ногъ мокрый рикша, возбужденный и бетелемъ и водкой и надеждой получить цѣлую кучу центовъ и еще какими-нибудь волнующими и душу и тѣло мечтами, никогда не оставляющими человѣка. Въ самый истомный часъ послѣ-полуденнаго тепла и свѣта, когда, посидѣвъ двѣ минуты на скамьѣ подъ деревомъ, оставляешь на ней темный кругъ пота, онъ, въ угоду англичанину, не знавшему, какъ дотянуть до обѣда, пробѣжалъ весь Черный Городъ, старый, многолюдный, пряно-пахучій,—и много видѣлъ полусонный англичанинъ голыхъ цвѣтныхъ тѣлъ и разноцвѣтныхъ тканей на бедрахъ, много парсовъ, индусовъ, желтолицыхъ малайцевъ, вонючихъ китайскихъ лавокъ, черепичныхъ и тростниковыхъ крышъ, храмовъ, мечетей и капищъ, праздныхъ матросовъ изъ Европы и буддійскихъ монаховъ—бритыхъ, худыхъ, съ безумными глазами, въ канареечныхъ тогахъ, съ обнаженнымъ правымъ плечомъ и опахалами изъ листвы священной пальмы. Рикша и его сѣдокъ неслись среди этой тѣсноты и грязи древняго Востока быстро, быстро, точно спасались отъ кого-то,—вплоть до самой рѣки Келани, узкой,

густой и глубокой, перегрѣтой солнцемъ, полуприкрытой непролазными зелеными зарослями, низко склонившимися съ ея береговъ, любимой крокодилами, все дальше уходящими въ глубь дѣвственныхъ лѣсовъ отъ баржъ съ соломенными сводами, нагруженныхъ тюками чая, рисомъ, корицей и особенно медлительно плывущихъ въ золотомъ, густомъ блескѣ предвечерняго солнца... Потомъ англичанинъ приказалъ вернуться въ Фортъ, уже опустѣвшій, закрывшій всѣ свои конторы, агентства и банки, побрился въ цирюльнѣ и непріятно помолодѣлъ, покупалъ сигары, заходилъ въ аптеку... Рикша, весь поту, похудѣвшій, смотрѣлъ на него уже непріязненно, глазами собаки, чувствующей приступы бѣшенства... Въ шестомъ часу, пробѣжавъ мимо маяка въ концѣ Квинсъ-Стритъ, пробѣжавъ тихіе и чистые военные кварталы, онъ выскочилъ на берегъ океана, вольно глянувшего ему въ глаза своимъ просторомъ и зелено-золотистымъ глянцемъ отъ низкаго солнца, и побѣжалъ по плацу Голь-Фэсъ, къ Невольничьему Острову.

«Изъ жажды рождается желаніе радости,—сказалъ Возвышенный,—изъ радости рождается скорбь, изъ радости и скорби

возникаетъ страхъ». И вотъ уже появились въ глазахъ рикши и скорбь и страхъ и злоба. Онъ ошалѣлъ отъ бѣга, не разъ тоскливо оборачивался на своего мучителя, трудно дышалъ, отмѣривая длинными ногами широкую укатанную дорогу по плацу. Кончивъ дѣла, англичане гуляютъ здѣсь передъ обѣдомъ, катаются или катаютъ своихъ женъ, любовницъ и дѣтей на лошадяхъ, въ дорогихъ экипажахъ, играютъ въ теннисъ, футболъ и любятъ океаномъ и пышной красотой тропическаго, чуждаго имъ заката. Рикша бѣжалъ, дико глядя на тѣхъ жилистыхъ, рыжихъ людей въ бѣлыхъ короткихъ панталонахъ и пестрыхъ фуфайкахъ, что носились по плацу по своей доброй волѣ, взапуски летѣли другъ за другомъ, подпрыгивали за взвивающимися боллами и гулко били въ нихъ грубыми носками тяжелыхъ башмаковъ. Солнце опускалось, небо надъ закатомъ зеленѣло, легкое пушистое облако, таявшее въ его глубинѣ, стало совсѣмъ розовое... «Карлтонъ-Отель!» —мертво сказалъ англичанинъ, все время печально и сонно глядѣвшій на западъ, на океанъ, на мягко шумящую зыбь его, рассыпавшуюся геліотроповой пѣной по прибрежнымъ валунамъ. Рикша на бѣгу оскла-

лялся, ему уже хотѣлось грызть этого человека, загнавшаго его; но не бѣжать нельзя было: англичанинъ, не мѣняя выраженія сонно-печальнаго лица, все чаще тыкалъ рикшу концомъ трости, да уже и перешло блаженное возбужденіе рикши въ какое-то другое,—въ напряженную покорность, въ столбнякъ безостановочнаго бѣга. Всѣ отели въ Фортѣ были полны, англичанинъ жилъ въ простомъ, за Невольничьимъ Островомъ,—и тутъ еще разъ пробѣжалъ рикша мимо баніана, подъ который сѣлъ онъ нынче утромъ въ жаждѣ заработка отъ этихъ безпощадныхъ и загадочныхъ бѣлыхъ людей, въ упрямой надеждѣ на счастье. Пошли знакомые сплошные сады, каменные ограды и голландскія крыши бунгалоу, низкихъ, приземистыхъ по сравненію съ деревьями, раскидывающимися надъ ними... Вскочивъ во дворъ одного такого бунгалоу, рикша съ полчаса отдыхалъ возлѣ широкой террасы, пока англичанинъ переодѣвался къ обѣду. Сердце у него колотилось, какъ у отравленнаго, губы побѣлѣли, черты темно-коричневаго лица обострились, прекрасные глаза еще больше почернѣли и расширились, тряпка на головѣ такъ намокла, что онъ сорвалъ ее и далеко отшвырнулъ прочь.

Запахъ его разгоряченнаго тѣла сталъ неприятенъ—это былъ запахъ теплаго чая, смѣшаннаго съ кокосовымъ масломъ и еще съ чѣмъ-то, спиртуознымъ, какъ если взять и растереть въ рукахъ кучку муравьевъ.

Солнце межъ тѣмъ закатилось. Пожилая дѣвушка полулежала подъ навѣсомъ террасы въ качалкѣ, читая при послѣднемъ свѣтѣ дня молитвенникъ. Увидя ее съ улицы, во дворъ безшумно вошелъ нѣмой индусъ изъ Мадурѣ, высокій черный старикъ съ сѣдыми кудрями на груди и на животѣ, худой, какъ скелетъ, въ нищенскомъ тюрбанѣ. На рукѣ у старика была закрытая корзина изъ пальмоваго лыка. Подойдя къ террасѣ, онъ подобострастно поклонился, приложивъ руку ко лбу, и присѣлъ на землю, поднимая крышку корзины. Не глядя на него, лежавшая въ качалкѣ махнула рукой. Но онъ уже вынималъ изъ за пояса тростниковую дудку. И тутъ рикша вдругъ вскочилъ на ноги и въ непонятной ярости громко крикнулъ на него. Вскочилъ и старикъ, захлопнулъ корзину и, оборачиваясь, побѣжалъ къ воротамъ. Но у рикши еще долго были круглые глаза,—совсѣмъ какъ у той, страшной, которую онъ представилъ себѣ—медленно, тугимъ

жгутомъ выползающую изъ корзины и съ шипѣніемъ раздувающую свое голубымъ отблескомъ мерцающее горло. Быстро падала темнота—уже въ темнотѣ вышелъ на террасу размытый, въ бѣломъ смокингѣ англичанинъ. И рикша покорно кинулся къ оглоблямъ. Была уже ночь, особенно жаркая, какъ всегда передъ наступленіемъ дождей, еще болѣе пахучая, чѣмъ день. Еще гуще сталъ теплый и приторный ароматъ мускуса, смѣшанный съ запахомъ теплой земли, тучной отъ цвѣточнаго перегноя. Такъ было черно среди садовъ, гдѣ бѣжалъ рикша, что только по тяжелому дыханію и по скудному фонарику на оглоблѣ можно было понять, что несется впереди встрѣчный. Потомъ слабо замерцала подъ черными навѣсами деревьевъ гнилая лагуна, а тамъ и красные огни, длинно отражавшіеся въ ней. Большой двухъэтажный домъ, въ котромъ жилъ агентъ, насквозь свѣтился въ этой тропической чернотѣ прорѣзами оконъ. Во дворѣ было темно. Много рикшъ, сливавшихся съ темнотой своими тѣлами и слабо бѣлѣвшихъ передниками, набѣжало въ этотъ дворъ съ гостями. А большой, открытый на лагуну балконъ сіялъ свѣчами въ стеклянныхъ колпакахъ, осыпанныхъ несмѣтной мошка-

— 47 —
рой, блестѣлъ скатертью длиннаго стола, уставленнаго посудой, бутылками и вазами со льдомъ, и бѣлѣлъ смокингами сидѣвшихъ, которые ѣли, пили и немолчно ~~бормотали~~ бормотали себѣ въ горло, межъ тѣмъ какъ босоногіе полные слуги, похожіе на нянекъ, шуршали голыми подошвами, прислуживая имъ, а громадная китайская цыновка, ребромъ привѣшенная надъ ними къ потолку, все махалась и махалась, приводимая въ движеніе малайцами, сидѣшими за стѣной, не доходящей до потолка, и все вѣяла, вѣяла вѣтромъ на обѣдающихъ, на ихъ холодные, мокрые лбы. Рикша номеръ седьмой подлетѣлъ къ балкону. Сидѣвшіе за столомъ привѣтствовали вновь прибывшаго гостя радостнымъ ропотомъ. Гость выскочилъ изъ колясочки и вбѣжалъ на балконъ. А рикша понесся вокругъ дома, чтобы опять попасть къ воротамъ, во дворъ, къ другимъ рикшамъ, и, обѣгая домъ, вдругъ такъ шарахнулся назадъ, точно его ударили въ лицо палкой: стоя возлѣ открытаго и освѣщеннаго окна второго этажа,—въ японскомъ халатикѣ краснаго шелка, въ тройномъ ожерельѣ изъ рубиновъ, въ золотыхъ широкихъ браслетахъ на обнаженныхъ рукахъ,—на него глядѣла

круглыми сіяющими глазами его невѣста, та самая дѣвочка-женщина, съ которой онъ уже уговорился полгода тому назадъ обмѣняться шариками изъ риса! Его, внизу, въ темнотѣ, она не могла видѣть. Но онъ сразу узналъ ее—и, отшатнувшись, застылъ на мѣстѣ.

Онъ не упалъ, сердце его не разорвалось, оно было слышкомъ молодо и сильно. Постоявъ съ минуту, онъ присѣлъ на землю, подъ вѣковой смоковницей, вся вершина которой, какъ райское дерево, горѣла и трепетала розсыпью огненно зеленыхъ мухъ. Онъ долго смотрѣлъ на черную круглую головку, на красный шелкъ, свободно обнимавшій маленькое тѣло, и на поднятыя, поправлявшія прическу руки той, что стояла въ рамѣ окна. Онъ сидѣлъ на корточкахъ до тѣхъ поръ, пока она не повернулась и не прошла въ глубину комнаты. А когда она скрылась, онъ мгновенно вскочилъ на ноги, поймалъ на землѣ оглобли и, птицей пролетѣвъ черезъ дворъ за ворота, опять, опять пустился бѣжать—на этотъ разъ уже твердо зная, куда и зачѣмъ онъ бѣжитъ, и самъ управляя своей сразу освободившейся волей.

— Проснись, проснись! — кричали въ немъ тысячи беззвучныхъ голосовъ его пе-

чальныхъ, стократъ истлѣвшихъ въ этой райской землѣ предковъ.—Страхни съ себя обольщенія Мары, сонъ этой краткой жизни! Тебѣ ли спать, отравленному ядомъ, пронзенному стрѣлой? Стократно страдаетъ имѣющій стократно милое, всѣ скорби, всѣ жалобы—отъ любви, отъ привязанностей сердца—убей же ихъ! Недолгій срокъ пребудешь ты въ покоѣ отдыха, снова и снова, въ тысячѣ воплощеній, исторгнетъ тебя твоя эдемская земля, пріютъ первыхъ людей, познавшихъ желаніе, но онъ, этотъ краткій отдыхъ, все же настанетъ для тебя, слишкомъ рано выбѣжавшаго на дорогу жизни, страстно погнавшагося за счастьемъ и раненаго самой острой стрѣлой—жаждой любви и новыхъ зачатій для этого древняго міра, гдѣ отъ вѣка побѣдитель крѣпкой пятой стоитъ на горлѣ побѣжденнаго!

Показались огни въ открытыхъ лавочкахъ Невольничьяго Острова. Рикша жадно съѣлъ въ одной изъ нихъ чашечку теплаго варенаго риса, пересыщенного перцемъ, и кинулся дальше. Онъ зналъ, гдѣ живетъ старикъ изъ Мадурѣ, часъ тому назадъ приходившій водворъ отеля: онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, при его фруктовой лавкѣ, въ низкомъ домѣ съ толстыми де-

ревянными колоннами. Племянникъ, въ грязномъ европейскомъ костюмѣ изъ полотна, съ громаднымъ колтуномъ черной вьющейся шерсти на головѣ, похожій скорѣе на австрійца, чѣмъ на индуса, перетаскивалъ корзины съ плодами въ глубину лавки, морщась отъ дыма папирасы, прилѣпленной къ его нижней губѣ. Онъ не обратилъ вниманія на бѣшеный видъ мокраго, горячаго рикши. И рикша молча вскочилъ подъ навѣсъ среди столбовъ, взялъ налѣво и ногой толкнулъ дверку, за которой надѣялся найти нѣмого старика. Въ потной рукѣ рикша крѣпко держалъ завѣтный золотой, который онъ еще на бѣгу досталъ изъ-за передника, изъ кожанаго гамана, привѣшеннаго къ поясу. И золотой быстро сдѣлалъ свое дѣло: назадъ рикша выскочилъ съ большой коробкой отъ сигаръ, перевязанной шнуркомъ. Онъ заплатилъ за нее большую цѣну, зато она была не пустая: то, что въ ней лежало,—билось, извивалось, стучало въ крышку тугими кольцами и шуршало.

Зачѣмъ онъ захватилъ съ собой колясочку? А онъ таки-захватилъ ее—и ровнымъ, сильнымъ махомъ полетѣлъ на берегъ океана, на плацъ Голь-Фэса. Плацъ былъ пустъ, далеко темнѣлъ въ звѣздномъ

свѣтѣ. За нимъ были разсыпаны рѣдкіе огоньки Форты, и въ небѣ медленно вращалась мутно-зеркальная вышка маяка, кидавшая дымныя полосы бѣлаго свѣта только въ сторону рейда. Слабый прохладный вѣтеръ потянулъ на рикшу съ океана, ровный, сонный шумъ котораго былъ чуть слышенъ. Добѣжавъ до побережья, до середины дороги, рикша въ послѣдній разъ бросилъ тонкія оглобли, въ которыя рано, но не надолго впрягла его жизнь, и сѣлъ уже не на землю, а на скамью, сѣлъ смѣло, какъ резидентъ. Онъ, отдавая индусу цѣлый фунтъ, требовалъ самую маленькую и самую сильную, самую смертоносную. И она была,—помимо того, что сказочно-красива, вся въ черныхъ кольцахъ съ зелеными каемками, съ темно-голубой круглой головкой и траурнымъ хвостомъ,—она была, при всей своей малости, необыкновенно сильна и злобна, а теперь, послѣ того, какъ ее помотали въ деревянной пахучей коробкѣ, особенно. Она судорожно, какъ стальная, пружинила, извивалась, шуршала и стучала въ крышку. И онъ быстро развязалъ, распуталъ шнурокъ. Впрочемъ, кто знаетъ, какъ именно сдѣлалъ онъ это? Твердыми или дрожащими руками? Быстро, рѣшительно, или нѣтъ? А послѣ того долго

ли колебался? Долго ли смотрѣлъ на темный шумящій океанъ, на слабый звѣздный свѣтъ, на Южный Крестъ, Ворона, Канопусъ? Оскалился ли по-собачи на городъ резидентовъ, на богатый отель, свѣтившій вдали своимъ подъѣздомъ? Вѣрно онъ сразу раскрылъ коробку и твердо положилъ лѣвую руку на тѣ ледяныя, какъ мертвое тѣло, пружины, что взвивались въ коробкѣ: укушенъ онъ былъ въ самую ладонь цѣлыхъ три раза.

А укусъ тотъ нестерпимо жгучъ,—онъ подобенъ удару электрическаго тока и съ головы до ногъ пронзаетъ все тѣло человека несказанной болью, такой мукой, что послѣ него даже обезьяны жалобно вскрикиваютъ и раздражаются рыданіями, дѣтскими, страстными, отчаянно-молящими. Рикша, вѣрно, не вскрикнулъ и не зарыдалъ: онъ слишкомъ хорошо зналъ, на что идетъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что, ощутивъ этотъ огненный ударъ, онъ колесомъ перевернулся на скамьѣ, и коробка полетѣла отъ него въ сторону. А затѣмъ тотчасъ же распахнулась подъ нимъ бездонная тьма, и все понеслось передъ его глазами куда-то вкось, вверхъ: и океанъ, и звѣзды, и огни отеля. Шумъ океана сразу оборвался: глубокій обморокъ бываетъ всегда по-

слѣ этого удара. Но вслѣдъ за обморокомъ человекъ всегда быстро приходитъ въ себя, какъ будто только за тѣмъ, чтобы его тяжело, съ кровью стошнило—и опять повергло въ небытіе. Ихъ, этихъ обмирающихъ, бываетъ нѣсколько, и каждое изъ нихъ, ломая человека, перехватывая ему дыханіе, частями уноситъ человѣческую жизнь, человѣческія способности и чувства: мысль, память, зрѣніе, слухъ, боль, горе, радость, ненависть—и то послѣднее, всеобъемлющее, что называется любовью, жаждой вмѣстить въ свое сердце весь зримый и незримый міръ и вновь отдать его кому-то.

Дней черезъ десять, въ темныя жаркія сумерки передъ грозой, къ большому русскому пароходу, готовому отплыть въ Суэцъ, двѣ пары гребцовъ гнали въ гавани Коломбо шлюпку, въ которой полулежалъ сѣдокъ рикши номеръ седьмой. Пароходъ уже гудѣлъ отъ грохота якорной цѣпи, когда, выскочивъ возлѣ громадной желѣзной стѣны пароводного бока, взбѣжалъ онъ по длинному трапу на палубу. Капитанъ сперва наотрѣзъ отказался принять его: пароходъ грузовой, заявилъ онъ, агентъ

уже уѣхалъ,—это невозможно. «Но я чрезвычайно, чрезвычайно прошу васъ!»—возразилъ англичанинъ. Капитанъ съ удивленіемъ взглянулъ на него: на видъ крѣпокъ, энергиченъ, но на лицѣ налетѣ нездороваго загара, а глаза за блестящими очками стоячіе, какъ будто ничего не видящіе и безпокойные. «Подождите до послѣзавтра,—сказалъ капитанъ:—послѣзавтра будетъ нѣмецкій почтовый пароходъ».—«Да, но провести еще двѣ ночи въ Коломбо мнѣ очень трудно,—отвѣтилъ англичанинъ.—Этотъ климатъ изнуряетъ меня, я нервно боленъ. Кромѣ того, нѣмецкій пароходъ, какъ это всегда бываетъ, будетъ биткомъ набитъ, а мнѣ хочется одиночества. Я измученъ этими цейлонскими ночами, бессонницей и всѣмъ тѣмъ, что чувствуетъ всякій нервный человѣкъ передъ заходящими грозами. А взгляните на эту тьму, на тучи, заступившія всѣ горизонты: ночь опять будетъ ужасная, періодъ дождей собственно уже начался»... И, пожавъ плечами, подумавъ, капитанъ уступилъ. И черезъ минуту тонкіе какъ ужи сингалезы уже тащили по трапу сундукъ въ черной лакированной кожѣ, весь испещренный разноцвѣтными этикетками отелей.

Свободная докторская каюта, которую предложили англичанину, была очень тѣсна и душна. Но англичанинъ нашелъ ее прекрасной. На скорую руку разложивши въ ней вещи, онъ вышелъ черезъ столовую на верхнюю палубу. Все быстро тонуло въ темнотѣ. Пароходъ уже снялся и поворачивалъ къ открытому морю. Справа какъ бы плыли на него другіе пароходы, огни на мачтахъ, огни Форта. Слева, изъ-подъ высокаго борта, зыбко неслась къ низменному берегу, къ складамъ угля и къ черной гущѣ тонкоствольныхъ кокосовыхъ лѣсовъ гладь темной воды, еще отражавшей тьму и печаль тучъ, и своимъ зыбкимъ стремленіемъ кружила голову. Все мѣняя направленіе, все туже дулъ откуда-то влажный, тошнотворно-благоуханный, мягкій вѣтеръ. Внезапно молчаливыя тучи распахнулись такой бездной блѣдно-голубого свѣта, что въ самой глубинѣ лѣсовъ мелькнули озаренные имъ стволы пальмъ, банановъ и сингалезскія хижины подъ ними. Англичанинъ испуганно моргнулъ, оглянулся на плывущій уже слѣва отъ него блѣдный молъ съ краснымъ огонькомъ на концѣ, на свинцовую даль океана за моломъ—и быстро пошелъ назадъ, въ каюту.

Старикъ-лакей, человекъ злой отъ усталости, безъ нужды подозрительный и наблюдательный, нѣсколько разъ заглядывалъ передъ обѣдомъ за ея занавѣску. Англичанинъ сидѣлъ въ складномъ холщевомъ креслѣ, держа на колѣняхъ толстую тетрадь въ кожаномъ переплетѣ, писалъ въ ней золотымъ перомъ, и выраженіе его лица, когда онъ поднималъ его, блестя очками, было и тупо и вмѣстѣ съ тѣмъ удивленно. Онъ какъ бы слушалъ шумъ и шорохъ волнъ, тяжело несущихся за стѣной каюты. Лакей прошелъ мимо, мотая громко звенящимъ колокольчикомъ. Англичанинъ всталъ и раздѣлся. Съ ногъ до головы обтершись губкой, насыщенной водой съ одеколономъ, онъ выбрился, подровнялъ короткіе толстые усы, тщательно причесалъ щетками свои черные прямые волосы на косой рядъ, надѣлъ свѣжее бѣлье, смокингъ и пошелъ къ обѣду съ обычнымъ своимъ рѣшительнымъ, солдатскимъ видомъ.

Моряки, уже давно сидѣвшіе за столомъ и бранившіе его за опозданіе, встрѣтили его преувеличенно любезно, другъ передъ другомъ щеголяя знаніемъ англійскаго языка. Онъ стѣтилъ имъ сдержанной, но не меньшей любезностью и поспѣшилъ сказать, что ему очень нравится

русскій столъ, что онъ былъ въ Россіи, въ Сибири... что онъ вообще много путешествовалъ и всегда прекрасно переносилъ путешествія, чего однако нельзя сказать о его послѣднемъ пребываніи въ Индіи, на Явѣ и на Цейлонѣ: тутъ онъ захворалъ печенью, разстроилъ себѣ нервы, дошелъ даже до странностей—вотъ въ родѣ той, которую онъ проявилъ часъ тому назадъ, такъ неожиданно явившись на пароходъ.. За кофе онъ угощалъ моряковъ коньякомъ и ликерами, принесъ коробку толстыхъ египетскихъ папиросъ и поставилъ ее на столъ открытой, для общаго пользованія. Капитанъ, еще молодой человекъ съ умными и твердыми глазами, во всемъ старающійся быть европейцемъ, завелъ рѣчь о колониальныхъ задачахъ Европы, о японцахъ, о будущемъ Дальняго Востока. Внимательно слушая, англичанинъ возражалъ, соглашался. Говорилъ онъ складно и не просто, а такъ, точно читалъ хорошо написанную статью. И порою внезапно смолкалъ, еще внимательнѣе прислушиваясь къ шороху волнъ за открытыми дверями. Отъ грозы ушли. Давно потонула въ черномъ бархатѣ долго переливавшая алмазами цѣпь огней Коломбо. Теперь пароходъ былъ въ безграничной тѣмѣ, въ пустотѣ

Да, да, разумъ нашъ ■■■■■ слабъ, какъ разумъ крота, или, пожалуй, еще слабѣй, потому что у крота, у звѣря, у дикаря хоть инстинктъ сохранился, а у насъ, у европейцевъ, онъ выродился, вырождается!

— Однако, кроты не плаваютъ по всему земному шару,—усмѣхаясь, отвѣтилъ капитанъ.—Кроты не пользуются паромъ, электричествомъ, беспроводнымъ телеграфомъ... Вотъ хотите—я буду сейчасъ говорить съ Аденомъ? А вѣдь до него десять дней ходу.

— И это страшно, — сказалъ англичанинъ и строго взглянулъ сквозь очки на засмѣявшагося механика.—Да, и это очень страшно. А мы, въ сущности, ничего не боимся. Мы даже смерти и то не боимся по настоящему: ни жизни, ни тайнъ, ни безднъ, насъ окружающихъ, ни смерти—ни своей собственной ни чужой! Я участникъ бурской войны, я, приказывая стрѣлять изъ пушекъ, убивалъ людей сотнями—и вотъ не только не страдаю, не схожу съ ума, что я убійца, но даже не думаю о нихъ никогда

— А звѣри, дикари—думаютъ?—спросилъ капитанъ.

— Дикари вѣрятъ, что такъ надо, а мы нѣтъ,—сказалъ англичанинъ и замол-

чалъ, пошелъ ходить по столовой, стараясь тверже ступать своими бальными ботинками.

Сполохи отдаленной грозы, уже розовые, мелькавшіе по звѣздамъ, слабѣли. Вѣтеръ дулъ въ окна и двери сильнѣе и прохладнѣе, черная тьма за дверями шумѣла тяжелѣе. Большая раковина, пепельница, ползала по столу. Чувствовалось подъ непріятно слабѣющими ногами, какъ снизу что-то нарастаетъ, приподнимается, потомъ валить набокъ, разступается—и полъ все глубже уходитъ изъ подъ ногъ. Моряки, допивъ кофе, накурившись, сдерживая зѣвоту и поглядывая на своего страннаго пассажира, посидѣли, помолчали еще нѣсколько минутъ, потомъ, желая ему покойной ночи, стали братья за фуражки. Остался одинъ капитанъ. Онъ курилъ и водилъ за англичаниномъ глазами. Англичанинъ, съ сигарой, качаясь, ходилъ отъ двери къ двери, раздражая своей чернотой, очками и серьезностью, соединенной съ разсѣянностью, старика-лакея, убравшаго со стола.

— Да, да,—сказалъ онъ.—намъ страшно только то, что мы разучились чувствовать страхъ! Бога, религіи въ Европѣ давно уже нѣтъ, мы, при всей своей дѣловитости

океана и ночи. Столовая помѣщалась на палубѣ, подѣ капитанскимъ мостикомъ. И тѣмъ рѣзко чернѣла въ открытыхъ дверяхъ и окнахъ, она какъ бы стояла и глядѣла въ ярко освѣщенную столовую. Влажно дуло изъ этой тѣмы—влажнымъ, свободнымъ дыханіемъ чего-то отъ вѣка свободного—и свѣжесть, доходя до сидящихъ за столомъ, давала имъ чувствовать запахъ табачнаго дыма, горячаго кофе и ликеровъ. Но порою свѣтъ электричества вдругъ падалъ—двери, окна мелькали блѣдно-синими квадратами: беззвучно и несказанно-широко распахивалась вокругъ парохода голубая бездна безднъ, блистала текучая зыбь водныхъ пространствъ, угольной чернотой заливало горизонты—и оттуда, какъ тяжкій ропотъ самого Творца, еще погруженнаго въ довременный хаосъ, доходилъ глухой, мрачный и торжественный, все до основанія потрясающій гулъ грома. И тогда англичанинъ какъ бы каменѣлъ на минуту.

— Въ сущности, это страшно!—сказалъ онъ своимъ мертвымъ, но твердымъ голосомъ послѣ одного особенно ослѣпительнаго сполоха. И, вставъ съ мѣста, подошелъ къ двери, зіявшей темнотой.—Очень страшно,—сказалъ онъ, какъ бы разгова-

ривая самъ съ собой. —И страшнѣе всего то, что мы не думаемъ, не чувствуемъ и не можемъ, разучились чувствовать, какъ это страшно.

— Что именно?—спросилъ капитанъ.

— А вотъ хотя бы то,—отвѣтилъ англичанинъ,—что подѣ нами бездонная глубина, а вокругъ та зыбкая хлябь, о которой такъ ужасно говоритъ Библия... О,—строго сказалъ онъ, вглядываясь въ темноту:—и вблизи и вдали, всюду загораются борозды зеленой огненной пѣны, и чернота вокругъ этой пѣны черно-лиловая, цвѣта воронова крыла... Это очень жутко—быть капитаномъ?—серьезно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, почему же,—отвѣтилъ капитанъ съ притворной небрежностью.—Дѣло скучное, отвѣтственное, но въ сущности несложное... Все зависитъ отъ привычки...

— Скажите лучше — отъ нашей при-
тупленности,—сказалъ англичанинъ.—Сто-
ять вонъ тамъ, на вашемъ мостикѣ, и
итти куда-то въ тѣму ночи и воды, про-
стирающейся на тысячи миль вокругъ,—
это безуміе! Но, впрочемъ, не лучше,—при-
бавилъ онъ, опять заглядывая въ двери:—не
лучше и лежать внизу, въ каютѣ, за перего-
родкой которой, возлѣ самой твоей головы,
бьетъ и переливается эта бездонная хлябь...

Да, да, разумъ нашъ ■■■■■ слабъ, какъ разумъ крота, или, пожалуй, еще слабѣй, потому что у крота, у звѣря, у дикаря хоть инстинктъ сохранился, а у насъ, у европейцевъ, онъ выродился, вырождается!

— Однако, кроты не плаваютъ по всему земному шару,—усмѣхаясь, отвѣтилъ капитанъ.—Кроты не пользуются паромъ, электричествомъ, беспроводнымъ телеграфомъ... Вотъ хотите—я буду сейчасъ говорить съ Аденомъ? А вѣдь до него десять дней ходу.

— И это страшно, — сказалъ англичанинъ и строго взглянулъ сквозь очки на засмѣявшагося механика.—Да, и это очень страшно. А мы, въ сущности, ничего не боимся. Мы даже смерти и то не боимся по настоящему: ни жизни, ни тайнъ, ни безднъ, насъ окружающихъ, ни смерти—ни своей собственной ни чужой! Я участникъ бурской войны, я, приказывая стрѣлять изъ пушекъ, убивалъ людей сотнями—и вотъ не только не страдаю, не схожу съ ума, что я убійца, но даже не думаю о нихъ никогда

— А звѣри, дикари—думаютъ?—спросилъ капитанъ.

— Дикари вѣрятъ, что такъ надо, а мы нѣтъ,—сказалъ англичанинъ и замол-

чалъ, пошелъ ходить по столовой, стараясь тверже ступать своими бальными ботинками.

Сполохи отдаленной грозы, уже розовые, мелькавшіе по звѣздамъ, слабѣли. Вѣтеръ дулъ въ окна и двери сильнѣе и прохладнѣе, черная тьма за дверями шумѣла тяжелѣе. Большая раковина, пепельница, ползала по столу. Чувствовалось подъ непріятно слабѣющими ногами, какъ снизу что-то нарастаетъ, приподнимается, потомъ валить набокъ, разступается—и полъ все глубже уходитъ изъ подъ ногъ. Моряки, допивъ кофе, накурившись, сдерживая зѣвоту и поглядывая на своего страннаго пассажира, посидѣли, помолчали еще нѣсколько минутъ, потомъ, желая ему покойной ночи, стали братья за фуражки. Остался одинъ капитанъ. Онъ курилъ и водилъ за англичаниномъ глазами. Англичанинъ, съ сигарой, качаясь, ходилъ отъ двери къ двери, раздражая своей чернотой, очками и серьезностью, соединенной съ разсѣянностью, старика-лакея, убиравшаго со стола.

— Да, да,—сказалъ онъ:—намъ страшно только то, что мы разучились чувствовать страхъ! Бога, религіи въ Европѣ давно уже нѣтъ, мы, при всей своей дѣловитости

и жадности, какъ ледъ холодны и къ жизни и къ смерти: если и бѣримся ея, то разсудкомъ или же только остатками животнаго инстинкта. Иногда мы даже стараемся внушить себѣ эту боязнь, увеличить ее—и все же не воспринимаемъ, не чувствуемъ въ должной мѣрѣ того непонятнаго и ужаснаго, чѣмъ полна человѣческая жизнь... вотъ, какъ не чувствую и я того, что самъ же называлъ страшнымъ, —сказалъ онъ, показывая на открытую дверь, за которой шумѣла черная темнота, уже высоко поднимавшая съ носа и валившая скрипящій переборками пароходъ то на одинъ, то на другой бокъ.

— Это на васъ Цейлонъ такъ подѣйствовалъ,—машинально замѣтилъ капитанъ.

— О, несомнѣнно, несомнѣнно! — согласился англичанинъ. — Мы всѣ,—коммерсанты, техники, военные, политики, колонизаторы,—мы всѣ, спасаясь отъ собственной притупленности и пустоты, бродимъ по всему міру,—вѣдь вы согласитесь, что число путешествующихъ европейцевъ растетъ со сказочной быстротой, что уже весь земной шаръ пестритъ плакатами и расписаніями,—и силимся восхищаться то горами и озерами Швейцаріи, то нищетой Италіи, ея картинами и обломками статуй

или колоннъ, то бродимъ по скользкимъ камнямъ, уцѣлѣвшимъ отъ какихъ-то амфитеатровъ въ Сициліи, то глядимъ съ притворнымъ восторгомъ на желтыя груды Акрополя въ Греціи, то присутствуемъ, какъ при балаганномъ зрѣлищѣ, при раздачѣ священнаго огня въ Іерусалимѣ, платимъ бѣшенныя деньги за то, чтобы терпѣть мученія отъ проводниковъ и блохъ въ могильникахъ и глиняныхъ капищахъ Египта, плывемъ въ Индію, въ Китай, въ Японію—и вотъ только здѣсь, на землѣ древнѣйшаго человѣчества, въ этомъ потерянномъ нами эдемѣ, который мы называемъ нашими колоніями и жадно ограбляемъ, среди грязи, чумы, холеры, лихорадокъ и цвѣтныхъ людей, обращенныхъ нами въ скотовъ, только здѣсь чувствуемъ въ слабой мѣрѣ жизнь, смерть, божество. Здѣсь, оставшись равнодушнымъ ко всѣмъ этимъ Озирисамъ, Зевсамъ, Аполлонамъ, къ Христу, къ Магомету, я не разъ чувствовалъ, что могъ бы поклоняться развѣ только имъ, этимъ страшнымъ богамъ нашей прародины, — сторукому Брамѣ, Шивѣ, Дьяволу, Буддѣ, слово котораго раздавалось поистинѣ какъ глаголь самаго Маѳусаила, вбивающаго гвозди въ гробовую крышку міра... Да, только бла-

годаря Востоку и болѣзнямъ, полученнымъ мной на Востокѣ, благодаря тому, что въ Африкѣ я сотнями убивалъ людей, въ Индіи, ограбляемой Англіей, а значитъ, отчасти и мною, видѣлъ тысячи умирающихъ съ голоду, въ Китаѣ билъ палкой по головамъ беззащитныхъ боезьяноподобныхъ стариковъ, на Явѣ и на Цейлонѣ до предсмертнаго хрипа загонялъ рикшъ, въ Анарадхапурѣ получилъ въ свое время жесточайшую лихорадку, а на Малабарскомъ берегу болѣзнъ печени,—только благодаря всему этому я еще кое-что чувствую и думаю. Тѣ страны, тѣхъ несмѣтныхъ людей, что еще живутъ или младенчески — непосредственной жизнью, всѣмъ существомъ своимъ ощущая и бытіе и смерть и божественное величіе вселенной, или уже прошли долгій и трудный путь, историческій, религіозный и философскій, и устали на этомъ пути, мы, люди новаго желѣзнаго вѣка, стремимся поработить, подѣлить между собою, и называемъ это нашими колониальными задачами. И когда этотъ дѣлежъ придетъ къ концу, когда въ мірѣ опять воцарится власть какого-нибудь новаго Тира, Сидона, новаго Рима, англійскаго или нѣмецкаго, повторится, непременно повторится и то,

что предрекли Сидону, возомнившему себя, по слову Библии, Богомъ, іудейскіе пророки, Риму—Апокалипсисъ, а Индіи, аріискимъ племенамъ, поработившимъ ее—Будда, говорившій: «О, вы, князья, властвующие, богатые сокровищами, обращающіе другъ противъ друга жадность свою, ненасытно потворствующие своимъ похотямъ!..»

~~Будда, какъ всѣ великіе религіозные учителя, понялъ, что значить жизнь Личности, этой преходящей формы, намарупы, какъ онъ называлъ ее, въ этомъ «мірѣ быванія», въ этой вселенной, который мы не постигаемъ,—и ужаснулся священнымъ ужасомъ. Мы же возносимъ нашу Личность выше небесъ, мы хотимъ сосредоточить въ ней весь міръ, чтобы тамъ не говорили о грядущемъ всемірномъ братствѣ и равенствѣ,—и вотъ только въ океанѣ, подъ новыми и чуждыми намъ звѣздами, среди величія тропическихъ грозъ, или въ Индіи, на Цейлонѣ, гдѣ исторія такъ безмѣрна, гдѣ порою видишь подлинную первобытную жизнь, а въ черныя знойныя ночи, въ горячечномъ мракѣ, чувствуешь, какъ таетъ, растворяется человекъ въ этой чернотѣ, въ звукахъ, запахахъ, въ этомъ страшномъ Все-Единоиъ,—только тамъ понима-~~

емъ въ слабой мѣрѣ, что значить эта наша жалкая Личность... Знаете ли вы,—сказалъ онъ, останавливаясь и блестя очками на капитана,—буддійскую легенду?

— Какую?—спросилъ капитанъ, уже тайкомъ зѣвнувшій и посмотрѣвшій на часы.

— А вотъ какую: воронъ кинулся за слономъ, бѣжавшимъ съ лѣсистой горы къ океану; все сокрушая на пути, ломая заросли, слонъ обрушился въ волны—и воронъ, томимый «желаніемъ», палъ за нимъ и, выждавъ, пока онъ захлебнулся и вынырнулъ изъ волнъ, опустил на его ушастую тушу; туша плыла, разлагалась, а воронъ жадно клевалъ ее; когда же очнулся, то увидалъ, что отнесло его на этой тушѣ далеко, туда, откуда даже на крыльяхъ чайки нѣтъ возврата—и закричалъ жалкимъ голосомъ, тѣмъ, котораго такъ чутко ждетъ. Смерть на который такъ быстро является она... Ужасная легенда!

— Да, это очень значительно,—сказалъ капитанъ равнодушно.

Англичанинъ замолчалъ и опять пошелъ отъ двери къ двери. Изъ шумящей темноты слабо донеслись отрывистые и, какъ всегда въ океанѣ, печальные звуки второй склянки. Капитанъ, посидѣвъ изъ

приличія еще минутъ пять, поднялся, пожалъ руку англичанину и пошелъ въ свою каюту. Англичанинъ, что-то думая, продолжалъ ходить. Лакей, протомившись въ буфетѣ еще съ полчаса, вошелъ и съ сердитымъ лицомъ сталъ тушить электричество, оставилъ только одинъ рожокъ. Англичанинъ, когда лакей скрылся, подошелъ къ стѣнѣ, потушилъ и этотъ рожокъ. Сразу палъ мракъ, шумъ волнъ сразу сталъ какъ будто слышнѣе, и сразу раскрылись въ окнахъ звѣздное небо, мачты, реи. Пароходъ скрипѣлъ и лѣзъ съ одной водяной горы на другую. Онъ размахивался все шире, подымаясь и опускаясь,—и въ снастяхъ широко носились, взлетая то въ бездну кверху, то въ бездну книзу, Канопусъ, Воронъ, Южный Крестъ, по которымъ еще мелькали розовые сполохи.

*Февраль 1914г.
Капр.*

Крикъ.

Однажды ранней весной шли мы въ Батумъ изъ Портъ-Саида.

Въ Стамбулѣ была чума, дѣла нашъ грузовикъ тамъ не имѣлъ; мы рѣшили миновать Золотой Рогъ, а разсвѣта дожидаться въ Ковакахъ, у выхода въ Черное море: ночью не выпускаютъ. И вотъ отправили съ нами изъ Дарданеллъ двухъ турокъ, двухъ карантинныхъ стражей, дабы они удостовѣрили, придя въ Коваки, что остановки не дѣлалось.

Снялись мы изъ Дарданеллъ часа въ четыре. Въ пять матросы обѣдаютъ. Передъ обѣдомъ полагается имъ по манеркѣ спирту. Но былъ чистый четвергъ, нѣкоторые сочли за грѣхъ пить въ такой день. А чтобы спиртъ не пропадалъ даромъ, поднесли—для потѣхи—туркамъ. Спиртъ свалилъ ихъ, непривычныхъ къ пьянству, и они заснули: одинъ, рослый, дюжій—на кормѣ, другой, маленькій — на крышкѣ

трюма между кормой и машинной частью. И передъ тѣмъ, какъ заснуть, этотъ маленькій долго бормоталъ и по-турецки и по-гречески и даже по-русски:

—Руссь—карашо, арабъ—нѣтъ карашо!

Онъ рассказывалъ, что у него, человѣка простого и бѣднаго, жена была такая красавица, что онъ даже по имени не звалъ ее никогда, а говорилъ: «джанымъ—сердце мое», что она уже давно умерла, родивъ ему сына, что и сынъ его былъ красивъ, нѣженъ и почителенъ, какъ дѣвушка, да увезли его въ Стамбуль, отправили на войну, въ Аравію. А ужъ изъ Аравіи не вернешься, нѣтъ!—говорилъ онъ. И, вскакивая, громко вскрикивалъ, какъ бы стрѣляя изъ карабина, падалъ на спину, изображая убитого наповаль, и задиралъ свои кривыя ноги въ шерстяныхъ полосатыхъ чулкахъ. Штаны его, очень узкіе книзу, были въ заплаткахъ, мундиръ—коротенькій, истрепанный, феска грязная, бараньи глаза мутны, усы вислые, подбородокъ давно не бритъ, спаленное зноемъ и вѣтромъ лицо все въ морщинахъ. И матросы хохотали и жалостно говорили:

— Вино-то, вино-то; братцы, что дѣлать!

Много разъ видѣлъ я Босфоръ. Но можно ли на него наглядѣться? Вечеромъ я легъ спать и приказалъ разбудить себя, лишь только откроется маякъ. Около двухъ часовъ ночи, вѣстовой постучалъ въ дверь моей каюты и негромко сказалъ:

— Подходимъ къ Сералю.

Я въ темнотѣ нашелъ пальто, шапку и вышелъ. Въ каютъ-компаніи тускло и печально горѣлъ одинъ рожокъ. Легкій свѣжій бризъ дулъ въ открытую дверь, за которой синѣла лунная ночь, и, сухо шелестя, чуть трепетали перистыя вѣточки карликовой японской пальмы, стоявшей въ горшкѣ у камина. Среди тишины, царившей всюду, выдѣлялись только этотъ шелестъ да медленное постукиваніе стѣнныхъ часовъ. А чуть слышный звонъ рюмокъ, которыми увѣшанъ потолокъ въ буфетѣ, и та слабая дрожь, которой дрожитъ весь пароходъ отъ машины, работающей въ глубинѣ его глухо и мѣрно, какъ огромное сердце, не нарушали тишины. Я вышелъ на лѣвый бортъ—и заглядѣлся на приближающійся Стамбуль, на рѣдкіе ночные огни его, матово блестяшіе за бѣлесымъ тонкимъ паромъ, на его призракъ, фантастическій и величавый, таинственно-блѣдный на синевѣ лунной ночи.

Потомъ я поднялся на капитанскій мостикъ. Глядя впередъ, за фокъ-мачту, дежурили у телеграфа капитанъ и вахтенный помощникъ, въ шапкахъ, въ теплыхъ курткахъ. Они не обернулись, когда я сталъ за ними, возлѣ штурманской рубки, гдѣ въ сумракѣ, держась за рога рулевого колеса и не спуская глазъ съ компаса, освѣщеннаго низко спущенной электрической лампочкой подъ колпакомъ, каменѣлъ рулевой матросъ. Они, тоже замороженные ночью и Стамбуломъ, роняли слова команды точно, но медленно, вполголоса.

— Пять градусовъ лѣво,—безстрастно, не оборачиваясь говорилъ капитанъ.

— Есть пять градусовъ лѣво,—протяжнымъ сиплымъ альтомъ отзывался рулевой.

Но отзывался онъ тоже безстрастно, словно спросонья, въ ладъ полнотной тишинѣ. Мѣрно, медленно отдавались изъ глубины вздохи машины, и медленно шло и развѣтывалось передъ нами сказочное царство великаго города.

— Такъ держать,—просто и осторожно говорилъ капитанъ.

— Та-акъ держа-ать!—на четыре тона выше бралъ рулевой.

Я поднялся на штурманскую рубку... Мертвый штиль. Полная ясная луна сто-

ить справа, почти сзади насъ, надъ туманными силуэтами Принцевыхъ острововъ. Огромная золотая полоса продольно блещетъ между ними, подъ той тѣнью, что всегда лежитъ по горизонту за луннымъ блескомъ. Блескъ зеленоватаго стекла возникаетъ и гаснетъ, переливается по валамъ тяжелаго шагреневаго масла возлѣ самаго борта. Но все въ отдаленіи,—и холмистыя побережья, и Золотой Рогъ, медленно раскрывающійся передъ нами, и блѣдные призраки Скутари, Стамбула, Галаты, Перы,—все подернуто матово-бѣлесою чадрой, нѣжной, прозрачной, какъ драгоценныя брусскіе газы. И за этой чадрой, какъ несмѣтные глаза, таинственные и прекрасные, матово и недвижно блещутъ несмѣтные, далекіе и близкіе огни: золотые, мелкіе — среди темныхъ садовъ на скутарійскомъ берегу; роями усѣявшіе съ верху до низу гору — въ Галатѣ; изумрудные и рубиновые, крупные — на мачтахъ въ Золотомъ Рогѣ, на буяхъ, сторожевыхъ лодкахъ, длинно отражающіеся въ зеркальной водѣ; рѣдкіе и сонные—въ Стамбулѣ, спящемъ съ открытыми блестящими глазами на своихъ холмахъ противъ луны... Я различалъ каменные и деревянные дома его предмѣстій,

легкіе, безконечно высокіе минареты вокругъ чаше-образныхъ куполовъ бѣлой Ахмедіа, древній, дорогой мнѣ куполь Софіи, сады Сералья и сѣрую стѣну дворца Константина... Вдругъ откуда-то издалека пронесся въ тишинѣ чей-то слабый рыдающій зовъ:

— Юсу-уфъ! — крикнулъ кто-то.

И оборвалъ, точно захлебнувшись слезами ..

Все ближе роились огненные пчелы по горѣ Галаты. Мы шли, а мимо насъ, точно сильнымъ теченіемъ, несло назадъ красные фонарики на сторожевыхъ лодкахъ. Я подумалъ: это, вѣрно, кто-нибудь на сторожевой лодкѣ крикнулъ; можетъ-быть, это — убійство и вопль о пощадѣ; можетъ-быть, контрабандиста-грека поймали; но что мнѣ до того?

Вотъ опять негромкая команда и альтъ рулевого. Луна мѣняетъ мѣсто, надвигается справа скутарійскій берегъ — далеко по зеркальной водѣ легла тѣнь его. Уже прошла гора Перы и Галаты, сплошь залитая каменнымъ городомъ за прозрачно-бѣлымъ покровомъ. Носъ парохода медленно поворачиваетъ, — закрывается выходъ въ Мраморное море, блещущій какъ стеклянно-золотое поле возлѣ Серальскаго мы-

са. Это поле меркнетъ; раздается короткій хрустальный звонъ телеграфа; мы все круче забираемъ вправо. Теперь уже нигдѣ нѣтъ блеска, чадра рѣдѣетъ, Босфоръ сузился. Бѣломраморные султанскіе дворцы тянутся по лѣвому побережью, купая въ водѣ широкія ступени своихъ мраморныхъ пристаней. Тѣнь достигаетъ и до нихъ; зеленовато-блѣденъ въ тѣни мраморъ...

— Юсуфъ! — опять долетаетъ откуда-то издалека.

Я удивленно поднимаю бровь, прислушиваюсь... И опять забываю объ этомъ воплѣ.

Отъ тѣни ярче и зеленѣе кажется холодная весенняя ночь, зеркальнѣе луна. Чище, синѣе стало звѣздное небо. Порою вершины малоазійскаго берега, по низамъ покрытаго виллами, селеніями, садами и рощами, отдаляются. Далеко впереди я вижу высокій круглый холмъ. Какъ мягко и отчетливо выдѣляется онъ на свѣтломъ небѣ! Какъ спокойны и легки очертанія нѣсколькихъ итальянскихъ пиній, вѣнчающихъ его темя, ихъ короткіе стволы и темные зонты! А вотъ большая сѣдловина между горами — и луна, стоящая за нею, чуть блѣднѣетъ; сквозятъ голыя весеннія рощи, серебрится подъ луною прозрачная дымка въ нихъ... Но закрывается и сѣдло-

вина,—идемъ подъ темнымъ склономъ въ густыхъ садахъ, гдѣ надъ черепичными крышами высятся черные кипарисы. Первый робкій соловей звучно и сладко окликнулъ сады— и затихъ... Весеннимъ холодомъ земли и ароматомъ прошлогодней листвы тянетъ съ берега...

— Юсуфъ! — страстно, захлебываясь слезами, кличетъ голосъ съ кормы. — Юсу-уфъ!

Спустившись съ рубки, я быстро пошелъ туда, сбѣжалъ по трапу со спардэка, прошелъ возлѣ мѣрно и глубоко вздымающей машины, обдавшей меня своимъ тепломъ и запахомъ разогрѣтаго масла... Опять луна перемѣнила мѣсто. Она далеко за кормою, надъ золотымъ огромнымъ озеромъ, которымъ сталъ теперь Босфоръ среди сомкнувшихся береговъ... И еще разъ сбѣжавъ, увидѣлъ я черную фигурку, на колѣняхъ, спиной ко мнѣ стоящую на крышкѣ трюма. Она садилась порою на ноги, на пятки, какъ дѣлаютъ это во время молитвы, порывисто приподнималась, кидалась ницъ, что-то искала въ рогожкѣ, служившей ей вмѣсто коврика, и опять откидывалась назадъ и, воздѣвая руки къ лунѣ или къ дворцамъ Стамбула, страстно,

кратко, съ несказанной болью и мольбою вскрикивала:

— Юсу-уфъ!..

И я все понималъ.

Онъ, этотъ оборванный маленькій турокъ, заснулъ, набормотавшись, напѣвшись спяну греческихъ пѣсенъ. Онъ проспалъ все Мраморное море. И вдругъ очнулся возлѣ самаго Стамбула, отнявшаго у него сына... Онъ покорно, какъ истый муслимъ, принялъ и затаилъ въ сердцѣ свое горе. Никто не замѣтилъ слѣдовъ скорби въ его равнодушныхъ морщинахъ, въ безстрастно поднятыхъ бровяхъ и висячихъ усахъ. Да и слишкомъ тупо ныла эта скорбь въ его сердцѣ. Но вотъ случилось нѣчто необычное: путешествіе въ Коваки, чужая палуба, чужіе люди, начавшіе его угощать сѣрымъ, мелкимъ, ѣдкимъ табакомъ и огненной водкой... Сведенный ею съ ума, чувствуя, что онъ плыветъ въ городъ самого падишаха, сталъ онъ съ болѣзненнымъ восхищеніемъ вспоминать, какъ увозили туда его сына, представлять себѣ съ непонятнымъ восторгомъ, какъ убили его въ Аравіи... И свалился наконецъ—потерялъ сознание и спалъ долго, долго... И вдругъ очнулся. Что-то тяжело томило его въ пьяномъ снѣ. Когда

же открылись его глаза, почувствовалъ онъ позднюю ночь по той тишинѣ, которая окружала его, увидалъ величавый и фантастическій въ лунномъ свѣтѣ призракъ Стамбула—и внезапно, всѣмъ существомъ своимъ, можетъ-быть, впервые, постигъ всю глубину того, что сдѣлалъ Стамбулъ съ его никому не нужной, жалкой жизнью и съ прекрасной молодостью Юсуфа. Вѣдь это о немъ, о сынѣ, рассказывалъ онъ хохотавшимъ русскимъ собакамъ! И, поднявшись, съ ужасомъ почувствовалъ, что онъ пьянъ, страшно пьянъ, отравленъ и несчастенъ..

Я подошелъ нему. Онъ повернулъ ко мнѣ блѣдное въ лунномъ свѣтѣ, все мокрое отъ слезъ, съ мокрыми висячими усами лицо, выпучилъ на меня свои бараньи, остеклянѣвшіе отъ яда, отъ рыданій и натуги глаза... Зачѣмъ подъ нимъ эта скомканная рогожка? Можетъ-быть, онъ вспомнилъ еще и то, что проспалъ вечернюю молитву, и кинулся, падая и опять поднимаясь, разстилать эту рогожку. Но до молитвы ли? Все мѣшается въ его мозгу, онъ чувствуетъ только одно—ужасъ и тоску. И вдругъ начинаетъ кричать Стамбулу, лунной ночи, что онъ одинъ и погибаетъ. Нѣтъ, этого не можетъ

быть! Сынъ живъ, онъ долженъ быть живъ, онъ долженъ вернуться! Сынъ долженъ вернуться еще и потому, что его, нищаго, одинокаго старика, опозорили, отравили... И, рыдая, безумѣя отъ ужаса и горя, онъ сталъ кричать дико, захлебываясь слезами.

Я взялъ его ледяную руку. Онъ отшатнулся и вырвалъ ее. Онъ, какъ звѣрь, кинулся на рогожку, сталъ судорожно комкать ее, стараясь разстелить передъ собою... И опять, не сладивъ съ хмелемъ и горемъ, тяжело упалъ задомъ на пятки. Неудержимо катившіяся слезы застилали его изумленные глаза, пьяный насморкъ затыкалъ дыханіе, мокрые усы лѣзли въ ротъ.

— Юсуфъ! — крикнулъ онъ тупо и кратко, какъ человѣкъ, вынырнувшій изъ воды.

И завопилъ, затрясшись отъ рыданій, захлебываясь и простирая руки къ Стамбулу:

— Юсуфъ! Юсу-уфъ!..

Неслась вода мимо борта. Золотое озеро за кормою меркло.

47.51-86 инв. МКIV-34493